

Inna Volkova

**Тот вечер, тот случай с
собакой**

ISBN: 978-1-7947-7184-0

УДК: 1751

Независимое Издательство

Budapest 2021

Аннотация

Посвящено Агн
Мари-Элен Лафон

«Я иногда думаю, как она лежит под ним. Он такой огромный, угловатый, толстый. Он как великан-людоед, проглотит ее, чтобы освободиться, чтобы удержаться и чтобы выздороветь. Потому что он не такой, как я, он боится, с самого начала боится, с того самого вечера, с того случая с собакой. Он ведь у нее не первый. Он знает, что она может уйти, знает, как она это делает. Я этого не знал. Я вообще не знал, как женщины уходят».

Это говорит Лоран. Он потерял Марлен. Расставание завершилось и теперь он вспоминает их историю любви. Марлен, она была моложе его, она была из Нормандии. Не смотря на невыносимость деревенских жителей, они были счастливы вместе...

А потом наступил тот вечер, когда произошел этот случай с собакой, когда та была ранена. Когда другой мужчина забрал Марлен у Лорана. Это был женатый ветеринар, отец семейства, ради нее он оставил все.

В этом романе перекликаются разные взгляды каждого персонажа, самые его глубокие переживания, эмоции, желания, прошлое, боль.

(Бюше Шастель 2003)

У этой писательницы есть также следующие романы:

Liturgie

Novelles

Prix Renaissance de la Nouvelle 2003

Buchet Chastel 2002

Sur la foto

Roman 2002

Buchet Chastel

Она носила варежки и растерянно наблюдала за сестрами в розовых шерстяных рейтузах.

Она постоянно читала. Было ли темно, светло, солнечно, она всегда читала.

Другие, кто был рядом были почти голые, нахальные, смеялись, наслаждаясь летним светом.

Она никогда не покупала книг, она брала их в библиотеке. Два раза в неделю сюда приходил голубой библибус. Он останавливался в определенном месте, там был ковер, внутри автобус был серым, там царила тишина и определенный запах. Библиотекарь и водитель ее знали, они всегда ждали ее. Это для Вас, Марлен, Вам это понравится, я отложила это для Вас. Библиотекарь называла ее Марлен, она не знала ее настоящего имени: Мари-Элен. Марлен всегда считала это имя слишком длинным, слишком мягким для себя. Оно как будто бы капает и напоминает варенье». Я цитирую ее, слово в слово. У нее была особенная манера говорить о вещах: более точно, живо и бессодержательно. Она говорила отдельными словами, которые становились круглыми, выпуклыми и ползли. Этим словам нравилось быть такими, как и мне нравилось быть с ней.

Ее имя, Мари-Элен, я в первый раз услышал, когда пошел в гости к ее маме. Ее мама и ее обе сестры называли ее либо Мари, либо Элен. В их доме никогда не было ни одного мужчины, никогда. А женщины были светловолосые, бледнокожие, высокие. Ее сестры были очень юными, двенадцати и тринадцати лет, близняшки, чья грудь намечалась, напоминая спелые фрукты.

Все были одинаковыми, включая бабушку и маму, которая была все еще красивой и гордой. Бабушка, которая называла ее Мари-Элен и которая так ее и назвала, воспитала ее. То, как они ее называли, говорило об их характере.

Она читала. Я всегда думал, что она нравится библиотекарю. Библиотекарь была молодая дама, бледная, мягкая блондинка. Она не знала, что ей нравятся женщины. Библиотекарь боялась меня. Я смущал ее, когда вместе с Марлен поднимался в библибус и подходил близко к ее столику, чтобы полистать журналы. Я никогда ничего не брал для себя, моя карточка использовалась Марлен. Если я слишком долго находился возле ее столика, она вставала, делая вид, что ей нужно что-то переложить и находилась она в это время среди детей. Она пряталась, а я следил за ней взглядом. Вечером мы с Марлен над этим смеялись. Мы не обижали ее. Библиотекаря звали Оде Каду. Это красивое имя.

«От тебя исходит запах любви, ты занимаешься сексом, это ее сковывает. Ты смотришь на нее, как будто говоря, она и я, я и она, мы занимались любовью целый день. Вы работаете, другие работают, мужчины работают, кто с животными, кто на машинах, кто в коровниках, недалеко работают, а женщины работают дома. У людей и вещей есть свое дело, свое состояние, наше состояние, наше дело-это заниматься любовью, целый день, а потом приходиться и читать книги в вашем библибусе, книги, оставленные для нее, это и есть наша жизнь.»

Для того, чтобы читать книги, она хотела иметь стол, у окон, которые были бы перпендикулярны друг другу. Она говорила, что это ее любимый угол и проводила часами за чтением.

Её голова была опущена на ладони, а красоту образа дополняли волосы: надушенные, толстые, тяжелые, вьющиеся кольцами, как настоящая львиная грива, созданная лишь для того, чтобы касаться ее кончиками губ, ласкать. Когда она сидела, то ее упругие ноги двигались, ее левая нога билась правую, если она была одета, то она держалась за краешки одежды кончиками пальцев. Я ее всегда ждал. Иногда я просил ее почитать. Она читала, как будто разговаривала, и она разговаривала, как будто читала. Я никогда не понимал, где различие и она тем более. Она никогда ничего не комментировала. Да, это так было, она не была хорошим учеником и ненавидела школу, объяснения среди других учеников в мире, который нужно было понимать. Она смеялась, ничего не хотела понимать. Когда она читала, я был рядом, ничего не делая, смотрел на нее, и если была зима, то смотрел и на огни. Марлен сидела напротив этих огней, чтобы так видеть, нужно было хорошо устроиться справа. Когда мы переехали в дом, я покрасил стены в белый цвет, ей это нравилось. Она любила ткани, она одела, она так выражалась, одела окна. Стол был насыщенного цвета, тяжелый. Кровать была белой, стены - голыми, паркет-тоже, гладкий и слегка белый. Я много для этого поработал. Я оставил этот дом, я не мог там быть без нее. Я вернулся туда лишь раз, там ничего не осталось. Вещи, объекты, предметы, люди, все ушло.

У нас было мало вещей, у меня и у нее, Марлен ничего не накапливала. У нее не было своих желаний. Дом был пустой, но там был свет, тишина и прекрасный вид на выгравированный город на краю неба. Но мы ничего не смогли сохранить. Я очень плакал. Я уже больше никогда туда не вернусь. Моя мама сможет сдавать его, я сказал ей об этом. Это очень добрый дом, дом для любви.

Бусине, 28 июня 1976

Дорогие мои,

Спасибо за ваше последнее письмо,

Я его часто перечитывала, я не ответила сразу, потому что на прошлой неделе мы начали переезжать со второго этажа, сюда, в новый дом. Лоран все сделал сам. Я сижу за своим столом с открытыми окнами. Я окружена голубым цветом, не таким как море или лето, а таким, как утес, который как бы ускользает куда-то далеко, где видеть его уже невозможно. Лоран говорит, что свет съедает все, что он съел весь этот город.

Наша комната-это лучшее место в доме, Лоран установил ванную, я тоже ее очень люблю, это благодаря окну. Я не вешала занавески, у нас нет рядом соседей.

Я много шила руками и машинкой мамы Лорана. Я думаю, что ты была бы рада, мамочка, работа лечит. Тебе не понравились бы цвета наших комнат, я не использовала ни розового, ни серого, никаких других пастельных оттенков. Эти тона не подходят для этого дома, никакого черного, заметь.

Завтра придет мама Лорана. Это ее дом, она здесь жила с родителями, выросла, но после свадьбы не захотела здесь жить. Лоран говорит, что это все из-за его папы. Я с ней не говорила об этом. Вообще она не говорит об этом. Лоран говорит, что то, как мы обустроили дом, ей понравится. Пока я тут, то успела прочитать «Борясь с тенью», Александра Велата и «Горный страх» Шарля-Фердинанда Рамю. Библиотекарь их выбрала для меня, она знала, что мы уезжаем из нашего городка. Хотя я ей ничего не говорила, а Лоран тем более, мы говорим только о книгах, она очень стеснительная. Но здесь люди все рассказывают. Она мне сказала: »Эти книги предназначены для чтения на острове». И она права.

Ответь мне побыстрее. Почтальон быстро носит почту. Он берет мои письма, хотя ему далеко до меня добираться. Но он всем доволен. Это местный почтальон. Он знал этот дом еще при жизни родителей Лорана, когда он был маленьким и для него я и Лоран-это как «Весточка из молодости». Он мне сам это сказал в первый день нашего знакомства. Всех обнимаю.

М.

В библибусе находились в основном дети и пожилые женщины, они брали книги. Детей сопровождал учитель. Они приходили где-то между 15.30 и 16.30 и так завершали свой школьный день. Мы с Марлен

Inna Volkova «Тот вечер, тот случай с собакой»

оставались. У нас было время. Они нас веселили. Дети называли библиотекаря Од, а учителя Жан-Лук. Это был худенький, миниатюрный, бледный человек с веснушками. Видимо он очень любил детей и очень хотел наплодить их. Он дотрагивался до них, смеялся вместе с ними. Таял и согревался, купаясь в своей славе.

После того, как уходили дети, приходили женщины. Это были старухи или стареющие женщины. У молодых времени не было. Они постоянно посещали библиотеку, ходили по одному или группами, шушукались, наклоняясь по три-четыре шляпки. Они ходили туда как на мессу, не как на службу по поводу похорон, или как на торжественную службу, но и не как в бакалейный, или мясной магазин, куда можно было прийти в кофте и жилетке из грубой шерсти, библибус - это совсем другое дело. Некоторые женщины вообще не ходили туда. Книги были завернуты в пластиковый пакет, они часто их брали, мало что комментировали, а только советовались между собой, говоря низким голосом и делая наклоны головой, и не задавая вопросов мадемуазель Каду, которая все время забывала их имена. Это было забавно, как человек, который так много учился, забывал имена. Но нужно отдать ей должное, она всегда с детьми была милой, спокойной, нежной. Они сами так говорили, и вот их имена она запоминала с первого раза.

Женщины знали меня. Я сын Терезы. Я уезжал, приезжал. Они не удивлялись, и бросали короткие взгляды на Марлен. У меня, кстати, есть профессия. Я как все. Так хотел мой отец, чтобы я умел делать что-то руками, электрик, например, без работы не останется. Для этого достаточно просто быть смелым. Я был смелым. И творил в сырных погребах, в старых сараях, все знали, что нужно обратиться ко мне, и у меня была работа. Но существовала эта девушка. И я все время проводил в библиотеке, я врос в нее, как вишня вырастает в землю. Вместо того, чтобы проводить время вместе с другими мужчинами, сыновьями, мужьями, зятьями, братьями. Ведь библибус - это не место для мужчины, особенно для здорового, молодого мужчины. Женщины знали, что я бывал там ради Марлен, ради этой девочки, с настоящей гривой, толстых, густых волнистых волос. Они хотели быть, как она, хотели быть тем, кем они не были. Она не видела их. Она решила не смотреть на них. Она знала, как себя защитить.

У старух глаза были как у куриц. Они не были злыми. Они просто были другими. И знали, как нужно жить. Они так думали. Они заботились о доме: их дом находился во власти умных, рано огрубевших рук. Они заботились о доме, о детях. Они всегда должны были считаться с мужчиной и служить ему, лежа под ним ночью. У многих были

любовники, или один ребенок, самые смелые беременели, без сомнения, а неудачницам приходилось выходить замуж, многих мама одевала не так как все, чтобы соответствовать определенному статусу, чтобы кем-то казаться и так себе жить, чтобы другие видели, что ты так живешь. Моя мама могла рассказать мне истории этих женщин. Все помнили их, но мы не разговаривали об этом. Мы помнили эти истории, но и все. Мы к ним так привыкли, и уже не о чем было и говорить. Женщины, которые не любили Марлен, они были как все. Днем они жили, ночью спали. Их любовь, это было лишь дело ночи и прежде всего это дело совершалось с мужем.

Иногда я спрашивал себя, когда ходил в бакалейный магазин (Марлен никогда не ходила в магазин) вместе с этими женщинами с бесформенными телами. Которые уже почти умерли и которым были свойственны определенные запахи. Они были одеты в привычную для них одежду. И я спрашивал себя, а что было бы, если бы они на время забыли все и познали бы постоянство желаний при дневном свете, вот, когда просто желаешь любви. И, спрашивая себя об этом, я внутренне улыбался. Никто никогда не начнет говорить об этом, да и с кем говорить.

Нам свойственно все забывать, я, наверное, забуду себя, забуду себя с Марлен. Ее стопы, плотные, устойчивые, круглые, короткие, мягкие и гладкие, как у ребенка. Я держал их в своих руках. А вот брал ли кто-нибудь в руки ноги тех шепчущихся старух в библибусе или брал ли кто-нибудь в руки бледные ноги Од Каду, просто так, ради удовольствия, ради наслаждения тишиной вдвоем? Хоть кто-нибудь это делал? Так же как я, любя свою женщину, любя ее в своих руках.

Здесь, другие женщины, они прятали свои тела. Они работали. Они водили машины, трактора, находились в молочных отделах, всегда были заняты делом, потные, окруженные запахами сыра и сыворотки. Они стояли у корзин с овощами в бесформенных штанах, руки в земле, груди висят. Когда они одевали что-то нарядное для воскресения, вещь как-то существовала отдельно от их тела, и выглядело это как-то абсурдно. Я не хотел этих женщин. Я не мог их захотеть. Их мужчины занимаются с ними чем-то вроде любви. Я не мог представить чего-то другого, чем эти подобию любви в их жизни, простое возрастное удовлетворение. Я ждал от них мягкости, но ее признаки не появлялись. Иногда что-то радовало, например, платье, но тело выдавало их. Я их беспокоил летом, в это время плодоношения. Здесь короткое лето. Я знал их. Но ничего не мог интересного про них думать.

Сегодня она пришла, вернее, они пришли. Он всегда ходит вместе с ней. Она никогда никуда не ходит сама. Мне кажется, что она не

умеет водить машину. Она взяла то, что я ей приготовила, это Альфонс Будар и Луис Сепульвед. Он ничего никогда не берет, а я не осмеливаюсь ему что-то предлагать. Я уверена, что «Зажечь огонь» Джека Лондона ему бы понравился. Он ждет ее, смотрит на нее. Она очень ему нравится.

Мне кажется, что Жан-Лук слишком строг с детьми, он не дает им самим выбирать. Наверное, мне нужно ему об этом сказать. Но это сложно. Никак не найти времени, чтобы поговорить с ним. Но надо бы поговорить. У него еще такая манера говорить..., я не люблю такую, и он очень быстро уходит. Но все хорошо. Я поговорю с ним, я сама хочу этого. Я думаю, что поговорю с ним во вторник. Я вижу, как он среди детей заходит в автобус, он очень быстро собирается, раз и готов. На самом деле, это очень даже нужно. Я желаю этого. В течение недели я все время желаю этого. Я думаю, что поговорю с ним во вторник. Я смотрю часто на него, когда он вместе с детьми заходит в автобус. Он очень быстро это делает. Я произвожу на него впечатление. Я задумываюсь, чем же именно? Все это очень веселит меня, меня вот пока никто не привлекал так, как я его. Он не влюблен, а я уж тем более, он говорит, что это все для удовольствия, это основа любви. У него множество женщин, у его жены тоже множество мужчин. Когда она беременеет, он как будто бы начинается разрываться на множество частей, он растрчивает всего себя, дарит себя, как бы распространяет себя и становится худым в женских кроватях, или на кухнях, или в машинах, или в автобусе. Он ничего и не отрицает. Но Марлен, ее он не получит никогда. Он говорит, что она в хороших руках и спрашивает самого себя, что она находит в этом электрике. Но оказывать ей знаки внимания не осмеливается. Иногда он смотрит на нее украдкой, пока не заметит, что она и не видит его совсем. Он удивляется, как так, такой петух-самец, как он и не может ее завоевать.

Лоран-это красивое имя, лощеное. Это имя ласкает губы и всю тебя. У него нежные, длинные, нервные руки. Я представляю, какими они могут быть нежными, спокойными, когда ласкают тебя изнутри. Он всего себя отдает ей. Мужчины здесь не такие, Жан-Лук, мой отец, мой брат, в них нет этой страсти, они не умеют ее чувствовать, боясь быть униженными. Они какие-то недоделанные, они делают все по чуть-чуть, они боятся боли. Лоран, у него как будто содрана и вывернута кожа, он наг. Но никто, кроме нее не может дотронуться до этого сердца.

Я встретил Марлен на море. В другом городе, у нас с братом был диско-мобиль. Мы любили музыку и всегда хотели, чтобы была музыка, то ли всерьез, то ли на самом деле. Отец ничего нам не запрещал при условии, чтобы у нас была другая профессия, он говорил, что музыканту тяжело зарабатывать, он не говорил, что невозможно, а просто говорил, что тяжело. Ришар пошел работать на почту, а я стал электриком. А летом мы оборудовали один автобус и путешествовали с музыкой, с одного пляжа на другой по всей Нормандии. Нам нравились эти уютные местечки, а у Ришара там были друзья, с которыми он работал на почте и мы вечерами собирались вместе, в продолговатых, низких домах, окруженных зелеными садами. Это были наши первые каникулы, еще до всех моих женщин, еще до Марлен и до Шанталь, до моей золовки.

У моего отца было намного больше силы, чем у меня. Я чувствую себя старше его. Он играл на аккордеоне. Его учил отец и дедушка в семье играть на аккордеоне. По воскресениям они все трое играли на вечерах. Они выезжали из округа. Далеко. Мечтали. Они были очень энергичными. Их женщины ждали. Они знали, что их мужья особенные. Они доверяли им, знали, что в понедельник мужья пойдут на работу, а вечером будут для них играть, пробуя впервые показать какое-то новое произведение. Они творили, импровизировали. Это был клан правильных мужчин, которые днем работали, чтобы заработать на жизнь, а вечером играли для радости. Они были веселыми. Умели ничего не бояться. Мы с братом получили этот дар в наследство.

Марлен не умела танцевать, это я научил ее проявлять чувства, как только услышишь музыку. Я научил ее этому гораздо позже, не тем летом, научил просто так для нее и для себя. Ей тогда было восемнадцать лет, у нее была копна волос цвета каштан, (профессиональное парикмахерское образование) черные перчатки, две сестры с собой и какая-то аллергия. Причиной был ее отец. Она носила по нему траур, траур по детской мечте, в которой она мечтала, что папа всегда будет рядом, от мечты ей пришлось отказаться. Она еще выросла. Я же был старше ее на двенадцать лет.

Она родилась без отца, дочка матери-дочки, они были из большого города на побережье Нормандии, куда ее бабушка и дедушка по материнской линии переехали после войны. Они были пекари. Если говорить более точно, то они были пекари-кондитеры. Ее мать, сразу после родов переехала в Руен ради работы, именно там она могла спокойно жить, не терпеть постоянные осуждения и обвинения. Марлен росла с ароматом только что испеченного хлеба. Никто не говорил ей о матери, которую она и так не видела. Ее бабушка и дедушка были

хорошими, подавленными, достойными, тихими людьми; она была красавицей, с основным образованием, тихонечко стояла за кассой, где наблюдала за бабушкой, которая точная, статная выдавала сдачу постоянным посетителям, имена которых в шесть лет, она знала наизусть.

Особенно она любила воскресения, по которым все ходили на мессу, она не ходила, потому что одну ее не хотелось отпускать, а сопровождать ее никто не мог. Они с бабушкой оставались вдвоем за кассой среди булочек, сахарных и пузатеньких, под названием «шоколадная монахиня», творожных булочек и среди листочков с яблочной начинкой, настоящим бабушкиным шедевром, который заказывали за две недели вслед за Онфлером и Этретой. Марлен любила выбирать картон, белый с поднятыми краешками, чтобы избежать катастрофы падения шедевра и сверху клалась нежно-кремового цвета бумага, слегка пахнущая ароматом розы, все это было сделано ею, ее быстрой, точной рукой, получалась изысканная пирамида с изысканным винным ароматом. Еще она любила звонить в колокольчик в праздничные дни и любила кропотливые бабушкины движения, когда она клала булочки в духовку до открытия магазина.

Ее бабушка и дедушка сохранили свой статус, который у них был в Каене, где у них был самый большой и красивый дом, где его работники, безупречные и сдержанные, в белых брючках всюду следовали за мадам Бланш, за хозяйкой, стоящей в свете своей белоснежного мрамора кассы. Но бомбардировки 1944 попали в любимый магазин и сын не встал из-под обломков. Дедушка с бабушкой потом уже и не захотели начинать все заново. Они вдруг почувствовали себя сильно уставшими, глубоко в трауре по потере сына, единственного, любимого, их надежды на процветание булочной. Мать Марлен была другого возраста: она сопротивлялась коммерческому делу, была непостоянна с посетителями и была весьма изменчивого нрава: то она училась в пансионе Руена, то она училась шить, то училась на стенографистку, то на уборщицу. Но нужно было учиться как-то, жить, и они решили начать работать в одном большом городе на берегу Нормандии, где не было таких живых воспоминаний о прошлом.

Сегодня 18 июня 1967 года и мне исполнилось десять лет. Мамочка мне подарила эту тетрадку, чтобы я записывала сюда все, что захочу. Мамочка говорит, что мы должны помнить. Она часто мне рассказывает про моего дядю Жоржа, которого я не видела, потому что он умер задолго до моего рождения. Он умер очень молодым, в шестнадцать лет. Он был старше меня на шесть лет. Она говорит, что мы должны помнить, чтобы мертвые казались нам

Inna Volkova «Тот вечер, тот случай с собакой»

меньше мертвыми. Мне кажется, что не бывает более и менее мертвых, а что бывают мертвые и все. Но я должна помнить, потому что мамочка и дедушка меня воспитывают, мамочка заботится обо мне и я должна делать для нее все. Прежде всего, я должна стараться для мамочки, потому что дедушка, он или работает или спит. Я редко вижу мамочку. У нее много работы с тройняшками и с ее новым молодым мужем. Поэтому она очень занята. Они придут в воскресенье, ведь это мой день рождения, но не останутся надолго, потому что им много чего нужно еще делать. Я не знаю, где мой отец. Мы никогда не говорим о нем. Но я думаю, что если есть «новый» муж, то где-то должен был бы быть и «старый».

Наверное, им и был мой отец. Когда мне исполнится шестнадцать, в этот самый день я обязательно спрошу у мамочки об отце. Потому что мамочка говорит, что именно в шестнадцать лет мы осознанны, достаточно смысленные, чтобы работать как взрослые. Она говорит, что мой дядя Жорж был именно таким, и она обязана была мне об этом рассказать. И у нее также кривится при этом рот, когда к нам, в магазин приходят посетители, которых она не любит.

Бабушка же никогда не говорит о дяде Жорже при людях.

Иногда я всех ненавижу.

А я знаю имя моего отца, но маме об этом не рассказываю. Его зовут Жорж. Точно также как дядю, как врача, я читаю его имя на рецепте и также как доставщика муки, я знаю это, потому что дедушка его зовет по имени. Девочки из моей школы называют моего отца «Великий Жорж». Хотя, может, они и врут. Это надо проверить.

Ну, вот и все. Мне надо было все это разъяснить, чтобы начать свой дневник. В следующий раз я буду писать, когда у меня появится желание.

После полудня каждое первое и третье воскресенье мы ходим на кладбище, это грустное место в деревне, мы там сажаем цветочки для того, кто умер молодым. Марлен не помнит ничего, так как она тогда не умела считать, в первый раз она об этом задумалась, отняв от 1944 1928 и получив 16. Мы никогда не плачем, мы лишь молчим на этом безлюдном кладбище. Дедушка всегда стоял, губы его были искривлены, бабушка делала все очень медленно. Марлен знала всю эту церемонию наизусть: лопата, грабли, вода, цветы, которые неизменно заказывались к полудню субботы и которые целую ночь стояли в вазе в комнате бабушки рядом с фотографией дяди Жоржа. Дядю Жоржа Марлен не видела, именно стоит сказать «не видела» а не «не смотрела», потому,

что в комнату бабушки и дедушки Марлен вообще не заходила, у нее не было такого права, разве что только четыре раза в месяц, в полдень в субботу, когда она искала вазу для цветов. Цветы были всегда белые, заказанные именно у флориста, это никогда не были полевые, или садовые цветы, да и сада-то у бабушки с дедушкой не было. А фотография дяди ее немного пугала: у него был строгий взгляд, высокий лоб, волнистые волосы, верхняя губа как-то выделялась, и над ней были черные усики, которые как-то странно его старили.

Она росла и любила в тени этого молодого мертвого, который умер, когда ему не было и двадцати, умер, когда ее еще на свете не было, а она сама-это просто девчонка, к тому же, девчонка без отца. А у многих девочек был папа, у многих. Над ней издевались девочки из школы. Они ей казались жестокими, а им она казалась слишком красивой. Той, которая никогда с ними не играла на улице и которая хорошо считала и одевалась, как взрослая. И девочки, которые сидели рядом с ней в классе сказали, что она может и дальше так гордиться, а они все равно знают, что ее отец-это тот Великий Жорж, который имел всех женщин, каких хотел и что у него дети повсюду. Марлен не очень поняла тогда о чем речь, но бабушке ничего не сказала, она почувствовала сердцем, что не стоит. Она не плакала. Она просто осталась со всеми этими «желанными» женщинами и этими «детьми повсюду» и именем, «Жорж Великий», с этим мертвым именем.

Он совершал коммерческие путешествия, был хвастуном, изысканным вальсовым танцором, и волосы у него были уложены гелем. Он получил мать Марлен во время отсутствия домашних и во время затянувшегося траура, после трех вечеринок и после нескольких ночных побегов в июльские дни. Он ничего ей не обещал, а она ничего и не требовала, молчаливая, тело горит желаниями. Он не был ее первым мужчиной, ведь ей уже было двадцать семь, и в Руене она вела неизвестную родителям жизнь. И только по воскресениям в строгой кофточке и в юбочке в складочку она приходила навестить их и за столом играла роль хорошей дочери, которую только ругали за то, что она редко навещает их. Она не интересовалась магазином и не хотела помогать матери во время наплыва посетителей утром. Да, она не вышла замуж, и ее никто не осуждал за это, была очень эмоциональной и жила как бы вне всего, вне семьи, вне людей, вне всего того, что любили делать люди. Она также жила вне смерти брата, когда он умер, ей было четырнадцать лет, и она не плакала. Она была счастлива, и все привыкли к тому, что она ничего о себе не говорит, что она ничего не понимает в коммерции.

Дело Жоржа Великого было как экзамен, хуже которого ничего не могло быть и то, что уже, к сожалению, произошло. И можно было переехать и в Англию или в Швейцарию. Дедушка и бабушка могли это сделать, но они не хотели скандала, ведь тогда был траур по умершему и они забрали себе ребенка и переехали просто в Руен и забыли об этом. За пределами магазина они ни с кем не дружили, все знали, что им стыдно, но никто не говорил с ними об этом. Никто не осмеливался жалеть их. Все знали об их походах на кладбище по воскресениям, о заказанных к субботе цветах. И все любили их булочки, испеченные в духовке и завернутые в тонкую бумагу белого цвета и об одиночестве, которое их окружало. Семья ждала, что это будет мальчик, но родилась девочка. Ничего, привыкнем.

Суббота, 17 ноября, 1964 год

Дорогой сын, Жорж,

Сейчас все спят, твой отец, Мари-Элен. Часик ночью в субботу, это наше с тобой время, я все еще нуждаюсь в нем. Мне говорят, что все это какие-то глупости, что я сумасшедшая. Даже маленькая девочка так говорит, а она ведь уже все понимает, она уже становится серьезной. Она все больше и больше становится на тебя похожей, а это очень хороший знак. Она еще ничего не знает про своего отца, мы ей с твоим отцом еще не рассказывали про него. Она очень умная девочка и уже видела беременных в магазине. Когда твоя сестра придет с этим сеньором, то она все поймет. Он обязательно жениться на ней. У него серьезная работа и много денег, у них семья, она не потеряет свой любимый север. Она уже получила урок в своей жизни. Мы бы очень хотели, чтобы муж был старше ее, чтобы он был состоявшимся мужчиной. Но этот сеньор моложе ее на целых девять лет и она снова беременная в тридцать пять лет, от твоей сестры можно ожидать только худшего. Как на нас, на родителей будут смотреть люди? О чем они будут думать? Они и про Мари-Элен ничего не знают. Твоя сестра думает, что девочка уже все знает. Но мы ей ничего не говорили и пока не собираемся, как-то мы ей не доверяем, потому что она уже немножко нас обманывает. Ее отец открыл в Гавре кафе, он всегда был деятельным человеком. Мадам Бертье очень им довольна, она рада, что ее старания не прошли даром. Она сама лично со мной вчера поздоровалась, я встретила ее вчера в полдень, когда она пришла забрать свой заказ. Если она хочет со мной поговорить, то она сама приходит ко мне во время сиесты. И мы остаемся наедине. Мы понимаем друг друга. Нас объединяет общее горе. Его жена так и осталась потрясенной. Она такая же, как и твой

отец, им невозможно что-то сказать, бывают такие люди. Их нужно заставлять объединиться в семью. Они все никак не могут выйти из состояния плохих отношений. И мы вынуждены реагировать. В случае с твоей сестрой, он ошибся. Семья Бертье очень довольна своими дочками: младшая помолвлена с врачом из Ивето, а Франсуаза ждет второго малыша к Рождеству, знаешь, как называли годовалого ребенка? Пьером. Для нас, бабушек и дедушек такой поступок, когда возрождается имя умершего человека, много значит. Твоя сестра зло пошутила, что назовет малышку Жоржеттой. Я достойно выдержала эту комедию. И девочку я забрала к себе, ребенку нужен хороший пример.

Вот видишь, твоя мать остается такой же доблестной, прости, что заставляю тебя скучать. Всю неделю я держусь, и вот приходит суббота и все начинается заново. Я всегда рада побыть с тобой, обнимаю,

Пусть у тебя все будет хорошо,

Мама.

Марлен не была знакома с моим отцом, я часто ей о нем рассказываю, она же внимательно слушает, смотрит фотографии, задает вопросы, говоря, что так мы возвращаемся к нашим источникам, как река возвращается к своим. Она никогда не ходит со мной на кладбище, говоря, что это место не для нее, что у нее нет умерших родных, Жорж не считается, это касается только бабушки. Так бывает, что дети ревнуют к мертвым, потому что они неприкасаемые и идеальные. И всегда для него покупают цветы и молчат по воскресениям тоже для него. В бабушкиной комнате был наряжен для него алтарь. Она учила катехизис в церковной школе и все понимала. Ей не нужны были все эти церемонии, которые живые совершают ради мертвых, но она любила хор в белой одежде, которым руководил аббат Шомель, она любила быть поглощенной фиолетовым цветом витража. Аббат всегда сидел на одном и том же стуле как у медсестры, который самый старший из мальчиков искал ему в ризнице. Он усаживался в розовом венке на голове. Зеленые листочки спадали ему на руки. Он рассказывал притчу о Закхее, о блудном сыне, о воскрешении Лазаря. Именно он привил у нее вкус к книжным историям. Ее любимые истории-это «Святая неделя», »Иуда» и «Страх Иисуса на горе Олив», пока спали апостолы и петух прокричал холодным утром. Она ничего не рассказывала бабушке о такой своей радости, она считала, что ее нужно спрятать.

А мне вот было необходимо ходить на кладбище, я садился рядом с могилой и говорил с отцом молча. Я всегда ходил сам, я не мог ходить

туда ни с матерью, ни с братом. Кладбище очень хорошо расположено, его со всех сторон ограждал красный забор, который красил я, и смотрело кладбище в сторону леса. Для живых тут легко думать, что души умерших находятся там, высоко на небе, что они там, в этом плывущем, изменчивом небе. И это и моя отдушина так думать. Я говорю с отцом о текущих делах. Он по-прежнему живой в моей памяти. Я помню его, когда он лежал и болел, умирающий, когда его тело начинало деформироваться, победитель, правильный, а также такой, когда он мог ходить и был одет, когда пел. Отец быстро умер, папа почти не болел долго. И ни на что не жаловался. Он говорил, что прожил счастливую жизнь и прожил ее с размахом. Он так и сказал, «с размахом». Я запомнил это выражение. У меня тоже было свое место в этой жизни.

Следующим летом я встретил Марлен и стал очень сильно в ней нуждаться. У нее не было мужчины, она даже еще не была влюблена. Она все время молчала, не красилась, вечно беспокоилась о своей коже, была где-то вне всего. Завтра ей исполнялось восемнадцать, и она очень торопилась на свидание с отцом, после долгих лет, которые он провел с другой женщиной и со своими другими детьми, она торопилась на поезд в Гавр. Это было такое маленькое семейное представление. Она ничего не боялась, ничего не хотела, не хотела ничего разрушать. Марлен просто хотела лишь посмотреть на него. А также хотела, чтобы ее никто в это время не видел, хотела быть незаметной и чтобы никто ничего не знал. Когда она зашла, он был за кассой, толстый, большой, добрый, важный человек, немного пьяный. Она вначале рассказала мне это несколько раз, а потом больше не говорила об этом. Он подошел к ней и спросил, что мадемуазель пожелает. Он не сказал «Какой напиток она пожелает», а просто «чего она пожелает». Она заказала клубничную оранжину. Напиток она пила, стоя, напротив него, красная от волнения, глядя, как он вытирает стаканчики. Кафе было безлюдно, ей было знакомо это время, это сонное время полудня. Марлен хорошо знала это замедленное время, когда день замирает, чтобы еще раз вспыхнуть, прежде чем закончиться. Ничего бы не случилось, если бы он сам не спросил, откуда она, если бы не сказал, что у нее какой-то потерянный вид. Он был очень мил. Она посмотрела в зеркало и увидела свое бледное, по сравнению с ним, отражение лица, оказавшееся между двумя бутылками с сиропом, то ее пронзила детская боль. Она почувствовала, как слезы поднимаются к горлу и она сказала: «Вы, Жорж Великий, Вы, мой отец и я пришла, чтобы на Вас посмотреть». И она выбежала, на первом светофоре ее сбила машина, и она оказалась в больнице. Бабушка туда приезжала. Ей позвонили, так как Марлен оставила сумку у кассы. Он взял сумку и отнес

в полицию, большего он не сделал. Он понял, что она не сумасшедшая и что говорит правду. Правды у нее было предостаточно. Он смог бы ее разыскать. Нужно было просто этого захотеть.

Жорж совсем не слушает меня. Я сказала, что у него сейчас время какой-то скуки, какой-то апатии и безделья. Но он не слушает. Потому что упрямый. Говорит, что это его личное дело и его отношения с женщинами до того, как он познакомился со мной, меня не касаются.

Я хочу покоя, я не хочу, чтобы эта девчонка все мне разрушила. У меня двое таких детей, которых я должна воспитать.

Возможно, она и есть его дочка, он сам-то не знает. Мужчины, они все такие, им важно лишь удовольствие, а женщины всем управляют.

А я поймала Жоржа. Я сумела его удержать. И мне нравится это. Мы поженимся, мы обустроимся, мы хорошо обустроимся, у нас есть средства, мы будем работать, под лежащий камень вода не течет.

Полиция ее разыщет, так как она посетитель кафе, который забыл сумку, что еще она сможет сделать, если он и будет ее искать, то это будет уже наше дело. Он много пьет, это риск, так как он употребляет еще и кофе. Я не могу все время одна стоять за кассой. Он пьет стакан за стаканом вместе с посетителями. У него нет силы воли. Он не может остановиться. Он не может сказать самому себе: все, больше не буду, я больше не прикоснусь к этому стакану. Он не может решить так. Раз и навсегда. Не может подумать о своей жизни, чтобы не растрачивать ее так. Вот так мы уничтожаем себя потихонечку, выпивая стакан вместе с Лулу Мигнь или с отцом Регимбаль, или с пьяницами, а также те небольшие порции, предназначенные для женщин или для матерей или просто те, что остались.

Иногда я вообще не понимаю, как он так быстро успевает напиться. Я все время занята, стою за кассой или нахожусь в погребе, я всегда нахожу, чем мне заняться, а девочки обычно находятся рядом с посетителем. И вдруг вечером мы замечаем, что он пьяный в стельку и ничего не сообщает. Для Жан-Пьера и для меня это не нормально. Мы с ним одного поля ягоды. Я сразу это поняла. Мы всегда знаем, чего хотим. Нужно просто немножечко подождать. Через четыре года мы выплатим его кредит и мой также. У меня есть свои сбережения. Девочки вырастут, для них все это не имеет значения, я сейчас работаю и папой и мамой. С Жан-Пьером мы хорошо сработаемся, откроем кафе в Руане или в Каене, в центре города, только не здесь, там другие посетители, другая клиентура. Жан-Пьер никуда не

денется, он не забеременеет, стоя за кассой. Двенадцать лет-это отличная разница для женщины. Мне будет тридцать восемь, ему пятьдесят. Но в демона в полдень в юбке превращусь я. Он не будет быстро дряхлеть, изменяться к старости, дурнеть. Он всегда будет красивым. Я даже завидую ему.

Она ждала его в госпитале много дней. Она могла сразу уйти со своим гипсом, но врачи не отпускали, говорили, что у нее шок. Бабушка повторила это слово несколько раз, прежде, чем сесть на поезд. Дедушка не приехал, он был каким-то усталым и с годами становился все медлительнее и медлительнее, также на нем был магазин, да и не хотел он говорить на эту тему, потому что устал от этой грязи и хотел покоя, слишком много было плохого и, похоже, оно никогда не закончится. Он не понимал, зачем ей этот отец, когда все это время они жили для нее, дедушка чувствовал себя преданным. Она совсем не думает о нем. Молчаливая, бледнокожая, вся-само ожидание. Мама принесла ей кучу книг, которые она бережно перекладывала, с оголенным животом и складывала на голубое больничное покрывало. В этих книгах, которые выбрала ей мать, женщины, вечно сомневающиеся, взволнованные любят мужчин, которые их никогда не оставляют или обязательно возвращаются, желают иметь детей и все время дарят им цветы. Они все время ужинают в саду, у них чудесные платья, а их вечера всегда теплые.

Книги обманывали и Марлен почувствовала вкус этого сиропа. Когда врачи выписали ее домой, она не знала, как быть, кому рассказать об этом новом своем чувстве. Она была подавлена и молчалива. Бабушка и дедушка ее не поймут, они очень подавлены, мама, она жила отдельно, у нее две другие дочери, две ее сестры, две близняшки, у которых, к тому же, есть отец. У Марлен не было даже подружки. В салоне, где она училась укладке волос, ее осуждали, она была уж слишком идеальная, всегда правильная и компетентная, но никто никогда не мог удержать ее внимания. Ее как-то не любили, она была далека от всего. Девушки из этого центра однажды громко смеялись, когда рассказывали, как до них дотрагивались парни во время субботней вечеринки. Они обе выписывали из Лё Рёдут одинаковые обтягивающие брюки, еще у них были смелые, блестящие пары брюк, которые подчеркивали все достоинства фигуры настоящих охотниц. Они как раз были в том возрасте, когда тело красивое и полно желаний. Марлен носила траур. Бабушка жила только мертвым, она не видела ничего другого, кроме этого. Она и не знала, что у восемнадцатилетней девушки от этого может образовываться внутри пустота, и что молодая девушка открыта для

всего, что ей нравится и верит в безнаказанность этого и что все это уже немного гноилось в душе Марлен.

И вот пришло лето, не смотря на каждодневную серость будней. И вот Марлен после своей завершенной учебы почувствовала пустоту, сопровождающую любые начинания. Все ждали ее на работу в магазин или в салон, но уж точно от нее никто не ожидал, что она просто уедет куда-нибудь, все ждали от нее постоянства, чтобы заботиться о доме, что она его прославит. Можно было все быстро разрушить, ведь Марлен могла спрятать ото всех свою красоту, она знала, что бабушка боялась за нее. Она понимала, что у нее трудный возраст сейчас, что нужно быть осторожной, чтобы ничего не случилось, ведь она потом все поймет и скажет спасибо за это. Посетители считали, что Марлен очень грустная. Согласно новому закону, она уже совершеннолетняя, ведь ей восемнадцать и с ней что-то происходит, так и с ума можно сойти. Некоторые, уже люди в возрасте, правильные и влиятельные, они осмеливались говорить с бабушкой о том, что время сейчас другое, что с молодежью уже не стоит обращаться также как раньше, что времена изменились. Девочке нужен глоток свежего воздуха, это плохо для ее здоровья все время находиться в магазине с каменным лицом, может, ей стоит съездить к морю?

Бабушка выслушала, в это время рот ее был сжат, она кивнула своим пучком волос на макушке. Бабушка честно все обдумала. Она чувствовала себя измотанной, сильно уставшей. И она решила, что пусть Марлен, наконец, сама несет ответственность за свою жизнь. Отец близняшек был очень щедр, он, например, снимал летом виллу в нескольких километрах от Тру-виль для своей бывшей жены и детей, чтобы те отдохнули за лето. Бабушка подумала, что и Марлен пошел бы на пользу отдых на пляже. Она чувствовала себя очень усталой, что ей не хватает тишины, что ей душно в одежде и от того, что приходится жить вот так, вне общества. И в первый раз ей стало немножечко страшно из-за того, что она сомневалась в правильности своего решения. Она взглянула на, стоявшую на тумбочке в рамочке, фотографию Жоржа, на которой он казался нежным и серьезным, вот он постоянен и никогда не изменится, никуда от нее не убежит.

Марлен уехала на море, и умер дедушка, раскрыв рот, во время сиесты, в жаркое июльское воскресенье. Мы похоронили его рядом с сыном под палящими лучами солнца. Бабушка мало плакала, между именами мужа и сына она поставила табличку и себе, она написала дату своего рождения, 19 и оставила начало миллениума. В течение нескольких недель она закроет магазин, поставит бизнес на продажу и

уедет из этого города в Руен, потому что так легче ухаживать за могилами, а также там живут женщины, близкие ей по крови, за которыми она будет ухаживать, не смотря на свое внутреннее смятение.

О чем она думает вообще? Какой я должна быть в моем возрасте? Я должна была воспитывать Марлен, когда близнецы родились. Она могла бы быть близкой с ними. Но они плохо друг друга знают. Но об этом не могло быть и речи. Для молодого мужчины получить сразу троих детей - это много. Они не захотели бы что-либо менять, а она была совсем ребенком. Она не хотела брать себе малышку, а я и не осмеливалась предложить ей это. Да и не должна была я оставлять ее с ними. Я не могла просто. И не могла противоречить. Кто может противоречить матери-королеве? Сплетни меня окружали, жила я в маленькой комнатке на зарплату машинистки. Они бы мне не помогали, это я точно знаю. Максимум, что им было нужно, это, чтобы не было никакого скандала и как можно меньше сплетен. И чтобы родился бы мальчик. Чтобы начать все заново. Вместо Жоржа. Чтобы снова все контролировать, за всем следить, руководить, быть полностью в работе. Быть такой же, как и все продавщицы магазина в безупречной блузке с высоким воротничком.

Чтобы не один мужчина на тебя не заглядывался, воротничок должен был быть поднят. Она всегда была как бы отдельно от всего. Он умер во сне. Мы всегда говорим про умерших людей так: «Пусть земля им будет пухом». А я не сказала про него: «Пусть земля ему будет пухом». Он ведь и вправду умер, там, на втором этаже в такую жару. Я не могла дотрагиваться до него, чтобы обмыть, одеть, я не смогла. И не смогла сказать: «Пусть земля ему будет пухом». Если есть ад, то я ему его желаю очень сильно желаю. Он ни разу не прикоснулся к малышке, он не мог после смерти Жоржа, если бы я знала, то я забрала бы ее с собой.

Если бы мне не разрешали плакать, то я не выдержала бы. Было необходимым, чтобы она была внимательна. Она и представить не может, как сильно я ее защищаю. Она не верит мне. Я знаю, что она не верит мне. Об этом и думать не стоит. «Как ты можешь обижать умершего человека?» Бедная девочка, это все из-за твоего отца, ты обижаешь нас, ты нас бросаешь», Это ее слова: «Моя бедная девочка». И Жорж, кем он для нее сейчас стал? Он стал как будто бы ее отцом. И вот он постоянно остается в семье, дочь, сестра, они уходят, а вот он остается. Никак она не может поверить в это. И до сих пор как будто бы надеется на его помощь. Нужно время, чтобы забыть. Ну,

вот, она спускается, наверное, нам стоит перебраться наверх вместе с Бертье. Она заботится о булочках в духовке. Она все время о них заботится. Она, идеальный человек. Каждый день она идеальная и каждый день похож на день предыдущий.

Марлен мне мстит. Она сама этого не понимает, но она мне мстит. Старик умер из-за ее «предательства». Все думают об этом, мама, семья Бертье, соседи, посетители. Нужно было передать Марлен дело. А мадам Бланш, ее никто не уважает, представляете, а она ухаживает и заботится о доме. Только между нами, но говорят, что у нее не все дома и все по причине смерти сына, а этот человек, к тому же кондитер, работал много, вот и результат, хотя вроде бы он еще чем-то болел... И она, она и на женщину-то не похожа, все держится только на ней. Дочь совсем ее не уважает, она забеременела этой малышкой, не выйдя замуж. А сейчас она в разводе с мужчиной намного моложе ее, современные женщины делают, что им заблагорассудится, при этом у нее на руках остаются две близняшки. Мадам Бланш не успевает заботиться о первой девочке, как появляются еще две. Таких женщин, как мадам Бланш уже и нет.

И вот именно тогда я и встретил Марлен, когда умер ее дедушка. Я сначала думал, что она носит траур по дедушке. Я не спрашивал ее ни о чем. Марлен-это девушка дня, она никогда не посещала вечерние дискотеки и не танцевала. Мне она казалась странной, но очень красивой. Я разговаривал с нею и внизу живота ощущал страх и волнение. Я чувствовал, что с ней у меня происходит уже что-то серьезное, что это мой шанс быть счастливым и в то же время, это риск. До нее у меня было мало девушек. Только две. Ришар был меня симпатичнее, каждый вечер очень настойчиво, почти насильно, его пыталось завоевать множество все более и более молодых и знающих, что и как делать девушек. Он любил их, любил их страх близости, любил их высокую грудь, тепло, смелость и страх, когда он подходил ближе, а его дыхание становилось более частым. Для него это была легкая, приятная и ненужная охота. Он знал, что все это ненадолго, да и они это знали. Это были летние девушки до того, как нам исполнилось тридцать. С Марлен у меня начался другой сезон.

Она говорила со мной на каком-то новом языке, который, казалось, она себе придумала сама. Она не смотрела на меня, не дотрагиваясь до меня. Но разрешала на себя смотреть, я не дотрагивался до нее тоже. Я как будто пил ее, смотрел на нее без этого желания, которое чувствуешь внизу живота. Я влюбился в нее. Я слушал ее под шум пляжа и под детские крики. Она рассказывала о своей матери, о сестрах, о булочной,

о салоне, о мужчинах, о бабушке и о Жорже, о своем отце. Она так слепо мне доверилась, доверилась раз и навсегда. У нее был низкий, почти закрытый, монотонный, ровный голос, голос, который родился где-то в глубоком одиночестве, такой не свойственный ее возрасту. Я приходил к ней каждый полдень. Казалось, что она не ждет меня и что если бы она не обнаружила бы меня под голубым полосатым зонтиком, то она бы и не удивилась. Мы никогда не купались с ней.

Мой брат лишь улыбался, когда я собирался к ней в самое жаркое время дня, пешком или на велосипеде, или на машине в зависимости от разницы наших расположений. Она была моим центром притяжения, моим центром гравитации, моим главным человечком, моим пупом земли. Ришар ничего мне не сказал, когда я, уже в конце лета, попросил его самому возвращаться домой. Моя мама сказала мне: » Не более двух недель, здесь тебя ждет работа. Ведь люди не ждут, они пойдут искать что-нибудь другое». А в ноябре я приехал вместе с ней, чтобы встретить вместе нашу первую зиму. Моя мать знала, что она ничего не может изменить. Ей казалось, что она слишком молода и это, пожалуй, и все. Ей было немного страшно, но она очень любила своего мальчика, поэтому не стала сопротивляться той, которая завладела до головокружения его сердцем, вместе с зимней бесконечностью, вместе с этим великим временем года.

Я много работал. Мне нужны были деньги, я принял приглашение работать на большой строительной площадке. У меня был план, во время долгих, светлых весенних дней привести в порядок верхние этажи дома в Буссине, который находился в пригороде.

Моя мать там родилась и выросла. А мой отец продолжал заботиться об этом доме, просто потому, что никогда не оставлял ничего в запустении и просто потому, что очень любил тестя и тещу. Моя мама не хотела жить на верхнем этаже. Ей нравилось жить на первом этаже, ей нравилась пристройка к дому, бескрайние поля по бокам, любила этот пригород, этот юг, это горячее солнце.

После смерти моего отца, не обращая внимания ни на дождь, ни на снег, четыре раза в год она приезжала и открывала окно, чтобы старый запах не захватил весь дом. Я считаю, что это она делала, прежде всего, ради отца.

Я не показал сразу же дом Марлен, я сказал, что приглашу ее, как только кончится зима. Но так я не хотел об этом говорить. Мы решили открыть дом на Пасху. Скрытая от рождения, умелая в учениях, Марлен хорошо себя чувствовала и на первом этаже вместе с мамой. «Мы и не ожидали», говорила мама, которая не любила готовить и не ожидала, что

молодая девочка умеет все делать на кухне. Когда умер мой отец, то первый этаж стал моим, мы с Марлен туда переселились, если она не готовила, то тогда читала, или писала дотошные, коллективные письма и посвящала их всем, начиная каждое неизменно со слов: »Дорогие мои». Ей всегда отвечала бабушка, а у сестер не оставалось ничего другого, как сказать, что скучают и обнимают ее. Иногда мы ей звонили, Марлен редко звонила, чтобы не нарушать бабушкиного покоя. Все ожидали, что скоро у Марлен родится ребеночек, и что я на ней женюсь. Мне доверяли.

Марлен понравилась Мишелю. Я думаю, что Лорану с ней хорошо. У них все получится. У молодежи как-то все сложно сейчас происходит, они все больше удаляются от семьи, от мнений одних и других, от всяких «так надо» и «так не надо». И я считаю, что это правильно.

И этот наш вечный женский страх остаться беременной или что тебя бросят. И поэтому многие женщины, я знаю, остаются подавленными всю жизнь. Их мужчины не могут вовремя остановиться, уйти, когда следует. В этом плане Мишель, он был замечательным во всем. Он ждал меня. Ждал, чтобы я тоже ощутила радость любви. Уже прошло так много времени. Сейчас, я думаю, что если бы мы еще что-то могли, то, как бы мы это делали? На что еще способно тело в шестьдесят четыре года? Особенно это касается женщины, хочет ли она чего-нибудь? И если бы я чего-нибудь хотела, то, как я бы это осуществила? Я ни разу не взглянула на другого мужчину. Даже не смотрела на Андре. Хотя его я знала еще до Мишеля, и он мне очень нравился. Мы могли бы тогда обручиться. Он потом стал жить с Мишелан, а я уехала в Клермонт, работала в коммерции, а также кухаркой на дому. Если бы я хотела возобновить наши отношения после смерти Мишеля, то меня бы никто не понял. А он интересовался мной и приехал, но слишком рано. Он был разведен, потому что никогда не был счастлив со своей женщиной. Они потеряли двадцатичетырехлетнюю дочь. Он испытал много горя.

Мы с Мишелем много об этом говорили, у нас был свой язык, который только мы понимали. Нам очень нравилась эта игра. Мы, находясь среди других, подавали друг другу знаки. И разговаривали так среди других. Я думаю, что у Лорана и у этой малышки что-то похожее. Я всю зиму жила с ними. И есть вещи, которые понимаешь сразу. У них родится ребенок, и они пожениются. И он будет расти здесь, как и наши мальчишки. Мы будем о нем заботиться. Марлен, она очень молодая, но она все умеет делать. Желание иметь детей появляется сразу же, если вы доверяете друг другу. Дети просто просятся родиться, ждут,

пока вы пожелаете их родить. Мишель хотел троих детей. Он всегда хотел иметь дочку, и я тоже об этом мечтала. Он бы с ума сошел от радости, если бы она родилась. Но не вышло.

Мишель, когда начал принимать лекарства больше не мог быть полноценным мужчиной. Меня врач предупредил. А мы не верили, что наша любовь подвластна каким-то механизмам. Мишель так говорил об этом. Но он все понял, понял это здесь, в доме, в комнате на втором этаже, желание было, но оно не осуществлялось. Он плакал. И потом сразу же и умер.

В течение полудня Марлен ходила. Она любила бегать к речке, ходить по скошенной траве. Ей нравилось ходить там, где не ходят люди, потому что она так устала быть заметной, она хотела изолироваться и долго оставаться в этой изоляции и сделать ее еще более заметной. И ей нравилось, когда ее обжигало солнце, когда она шла в темной одежде, копна волнистых волос спадала на плечи, без ружья, без собаки, как будто бы в какую-то далекую страну на самом краю берега моря и я очень любил ее такую. Она не была похожа на обычную женщину, не была похожа на обычную молодую женщину, потому что не с кем никогда не разговаривает или если она и разговаривает, то совсем немного и всегда гуляет одна. Женщины обычно гуляют гурьбой, ведь так? Одинокое гуляние-это дело праздных людей или тех, кто не работает, или это происходит потому, что просто выдался теплый вечер, а так, если и выходили, если только нужно было что-то сделать, например, для дома. Женщины обычно ходили кучками, по краям дороги, впереди них бежали собачки, по бокам они были облеплены детьми, эти женщины были обычно сбитого телосложения, на толстых ногах. Казалось, что они играли друг с другом, занимаясь каким-то общим делом, это были матери, сестры, золовки, двоюродные сестры, жены братьев. И говорили про них так: женщины куда-то собрались по делам. Но никто не ходит один вдоль крутого речного берега. Никто не ходит в лиловые края, в лес. Ведь, казалось, в этом нет никакого смысла. Электрик привел какую-то странную девушку. Его мать молчит, потому что она хорошая женщина. Кажется, что девушка умеет готовить, это не единственная причина, конечно, но наверняка она просто взяла его этим, ведь путь к сердцу мужчины лежит через его желудок. И продавщица в бакалейном магазине с очень серьезным видом, говоря низким голосом, продолжает работать, когда моя мама выходит под звон колокольчика из магазина. Марлен не выходила в город, разве, что только ради библибуса. Она чувствовала враждебность других женщин и любопытство мужчин к себе и постоянно чувствовала эту тишину в племени, к которому она не

принадлежала. Город, черная, мягкая земля, усталые горы, вода, деревья, небо казались ей ближе. Она любила зимой наготу деревьев, когда не нужно ни на что надеяться, как будто бы достаточно просто быть самим собой. И в этом ее мире ветра, леса и земли меня ей было достаточно. Я чувствовал себя сильным. Я был молчалив и ничего не боялся. Раньше я был неопределенно закован во влажные женские тела, проводил время от одной субботы к другой, между двумя вечеринками и двумя строительными площадками, очень закрытый, все отрицающий, слишком земной внутри, чтобы женщины вместе со своими домами, диванами в кредит и детьми смогли бы приблизиться к моей душе. У меня у самого не было какой-то хорошей репутации, ведь я жил с матерью, я был кем-то типа старой девы. Мой брат, он другой, он все время чем-то занимался, работал за нас двоих.

Меня любило две женщины. Они были старше меня на десять лет, были разведены, с детьми и у них была история, которая разрушила все их наивные мечты о любви. Никогда они больше не превратятся в прежних наивных девушек, их тела, которые служат мужчине, стали из-за родов шире. Я был с ними после него, после них. Я был ночным, вечерним мужчиной, я был с ними, когда их дети спали. Они не знали меня, да я и не хотел этого сам. Я не был кем-то для них официально и не был кем-то еще. Они не просили меня об этом, им было достаточно работы, которую я делал ночью на кровати, и чтобы ничего не было слышно. Я всегда очень мало спал, а сейчас сплю еще меньше. Я всегда им задавал один-два вопроса и ничего не менял в их жизни, оставлял их свежими и живыми на своем прежнем пути. Они выходили из состояния неподвижности, из этого «говорить не о чем, говорить с другими о других». У каждой женщины была своя история, они мне ее рассказывали. Я люблю слушать истории. Я ничего от них не хотел. Я им не делал ничего плохого. Все прошло, потому что желания перестали нас волновать, потому что все, что могут сказать друг другу мужчина и женщина, уже было сказано, а общих планов на будущее, которые мы могли бы обсудить, как-то не находилось.

Марлен не говорила, она не говорила ни о будущем, ни о питании, ни о детях. От детей ей становилось плохо. Она заботилась о детях в Нормандии, потому что все умела делать и ее плодovитые кухни часто оставляли ее со своими многочисленными детьми. Ей доверяли, потому что знали, что эта девушка не займет их места. Детям же было хорошо с Марлен, моя мама говорила, что у Марлен есть талант обращения с детьми, так говорят, когда человек спокоен и мягок в своем умении.

Две сестры моей матери имели по трем дочерям, по мужу и еще по куче маленьких детишек. Нижние этажи дома, это было место их встреч после долгих каникул. Моя мать была старшей и очень щедрой, быстрой и умелой на руку. Правда, смерть отца немного ослабила ее. Ее очень любили, любили и ее дом, где они чувствовали себя меньше замужем и где могли оставить своих детей, осознавая себя частью большого рода.

В последнее августовское воскресенье был праздник. У этого праздника были свои обязательные ритуалы. И мы с братом в течение долгих лет ездили через всю Францию, только чтобы вовремя приехать выпить свой аперитив за общим столом в теплом родовом гнезде среди детских криков и шороха цветных платьев.

Мои тети были веселыми и красивыми, сопротивляющимися той рутине, царившей в новых районах Клермонта, Лиона и Парижа. Они обнимали нас с Ришаром, очень нежно дергали за ухо, как будто ругали за что-то. Потом мы утопали в ваннах, которые они с любовью для нас приготовили, и в которые так сразу же хотелось окунуться, потому что приоткрытая дверца, ведущая в ванную, очень, уж, манила нас. Точно также нам хотелось ощутить чистоту заботливо ими приготовленного для нас белья. А в это время их мужья обычно напрасно умоляли и жаловались тем, кто их слушал, у них, казалось, за годы накопилось много такого, на что они хотели пожаловаться, пусть хоть и никто их не слушал в это время, хотя вроде бы всю жизнь они казались безразличными ко всему людям.

Таковыми были наши веселые, дикие, спонтанные дни. Потом, когда мы стали жить в Нормандии, то мы спускались сверху, прожив год в вечной спешке, обросшие бородой и пытались как-то восстановить наши традиции. Марлен помогала нам оживить эту церемонию. Дом рассказывал ей о толпе веселых и хулиганистых детей, о нашем безрассудстве и простоте. Он освежил все в памяти. Я рассказал Марлен о наших традициях и она ни над чем не посмеялась и запомнила все, что нужно делать к праздникам и заботилась о десертах. Она быстро ко всему приспособилась.

Двоюродные сестры стареют, мы стареем, Марлен такая молодая, что на нее даже больно смотреть. Мне кажется, что все в нашей семье это понимают, весь наш клан. Лучше так, чем совсем никак. Не нужно от этого отказываться. Нужно продолжать жить как прежде. Я очень устала, устала от Жерарда. Мне тяжело с детьми. Но мне кажется, что, когда дети перестанут во мне нуждаться, то я сразу же постарею. Я нормально живу. У меня муж, дети. Но я очень устала. Здесь не принято говорить об этом. Потому что лето,

потому что праздник. Тетя старается изо всех сил, чтобы праздник удался, а она совсем не наивная. Она все видит и все понимает.

Дядя и тетя очень любили друг друга. У них была такая замечательная возможность. Однажды, когда мне было восемь лет. Им было около сорока лет, чуть больше, чем мне сейчас. Я была на балконе и услышала, как будто бы тетя плачет. Я зашла в ее комнату, прошла в ванную, дверь не была заперта, но не окликнула ее. Она была сверху на нем, в ванной, вода капала на них. Сначала я ничего не поняла, уставившись на ее груди, слушала ее похабный стон, она была похожа на ребенка, который плачет.

Я не чувствовала, что ей плохо. Наоборот. Я не помню дядю в тот момент, только его загорелые руки, которые двигали и сжимали ее груди, одна против другой. Ее соски были между его пальцев. Они были очень упругие. Такое я видела в первый и в последний раз. Об этом я никому никогда ничего не говорила. Даже спустя время.

Мы с Жерардом любим друг друга тоже днем, но ни в каких-нибудь там ваннх или где-либо еще. Чаще всего мы любили друг друга утром. По вечерам он спит. Ему необходимо мыться после любви. Он чувствует себя грязным. И поэтому не находит себе места. Он говорит мне это, целуя меня в лоб. Он мокрый. Тяжело дышит. Но даже по утрам у него нет неприятного запаха изо рта. И потом он идет на работу или катается на велосипеде по воскресениям или субботам. У него сбитое тело, которое хорошо выполняет свое предназначение, оно ему служило для ходьбы, бега и просто для исполнения разных дел. Он дает мне все, что может. И более не заботился об этом. Он человек-утро. Любит рассветы. Любит одиночество. Когда он возвращается, дети едва успевают проснуться. Он лучше меня заботился о них, любит их ласкать, замечать, как они растут. Он очень спокойный. Дети слушают его. Жерард гордится, что они такие красивые. По утрам в воскресенье я могу долго валяться в постели. Могу разрешить себе такой ленивый отдых. Он очень мил. Иногда я плачу.

Здесь весна не приходит внезапно, здесь она как будто стесняется заставить проснуться кору деревьев, травяные поля, разбудить природу, разрешить всему снова родиться и, пусть ненадолго, но снова быть очарованным и потерянным в летнем величии и славе. Где-то в конце марта или в начале апреля все одевается в голубой цвет, когда резко в свежем воздухе ощущается какая-то легкость. Края дорог становятся белыми, а ветер слегка колышет эти белые деревья. Но потом что-то меняется. Идет холодный дождь, внезапно выпадает снег и

замораживает все распустившуюся белую июньскую красоту. Но летний сигнал уже был дан и когда открываешь ставни, то в комнату, наполненную весенними ароматами, врывается солнечный свет. Скоро природа перестанет сопротивляться весенней мягкости. Стоит только немножечко подождать.

И я умею ждать. Я научился этому в своем городе. Я ждал зиму, когда мы начали обустраивать верхний этаж нашего дома. Марлен работала вместе со мной. Я доверял ей кропотливые задания. Ее голос в пустых комнатах, когда она окликалась, был похож на голос ребенка. У нее были голубые перчатки и голубой комбинезон для работы. Этот комбинезон шили в ателье, это мой первый комбинезон, который родители мне купили, когда я переехал сюда из профессионального лицея в Орлеаке. Ткань у комбинезона была мягкой и более светлой на коленках. Я сберег этот комбинезон. Марлен, когда работала, собирала волосы на затылке. Я очень любил ее затылок. Она сливалась вместе со мной, не поворачиваясь ко мне лицом, а я обнимал ее. Я знаю наизусть, как она покусывает свою нижнюю губу. Она стонала. Встряхивала головой. У нее распускались волосы и спадали на меня. И я брал в рот локон ее теплых, рыжих волос.

Мы переехали в дом в июне. Была засуха. Лето было жарким, но ночью, просто ради своего удовольствия мы разожгли костер. Я разжигал огонь, который всегда неожиданно и упрямо появлялся. В моих руках был огонь, я приручил его, такого упрямого, к своим рукам. Это была наша первая настоящая королевская ночь, как хозяев своего дома. Мы в этот день никого не видели, или почти не видели. Моя мать любила приходить, когда стояла хорошая погода, ей нравилось чувствовать, что дом находится в любящих руках. Она не выказывала недовольства по поводу пустых комнат, а также не высказывала недовольства по поводу белого цвета стен, который выбирала не она. Она не говорила: "Такой цвет выбирает сейчас молодежь". Мне кажется, что ей просто нравилось находиться в доме, где царит мир и покой. Дом был как бы неким продолжением тех бескрайних, голых равнин, где слышался крик ветра и которые окружали его со всех сторон, дом, в котором летом были открыты, а зимой закрыты окна без штор. Город врвался в дом, со всех сторон вторгнулся в него. И нам так нравилось, быть зрачком целого мира.

К нам часто заходил Ролан. Он был плотником, сыном плотника. Старая дева. Он был молчаливый по необходимости и одинокий по призванию или по привычке. Он был немного старше меня и до тридцати пяти лет жил под надзором ужасной матери, агрессивной, тиранки, ни в чем не знавшей меры, чьи крики долгое время заставляли ухмыляться

весь город. Мы ее называли Белый Ангел. И не потому, что в ней были ангельские черты. Нет. Дело в ее детстве, которое она проводила, переходя из одной фермы в другую вместе с отцом, который был земледельцем, сапожником, мельником согласно семейным традициям. И ей было положено быть белокожей. Я помню ее голубые глаза, когда взгляд пронизывает тебя насквозь. Ее отец зимой ездил на север Франции и в Бельгию, а весной вернулся с этой прозрачной девочкой, которой было тогда около четырех-пяти лет. Она говорила, как будто читала книгу, и ее невозможно было чем-то заинтересовать: ни кусочком сахара, ни тепленькой одеждой, ни каким-нибудь украшением.

Она пила вино, разбавленное водой и в десять лет могла делать любую работу. Она мало походила в школу, потому что уже умела читать и писать. В восемнадцать лет она вышла замуж за отца Ролана, который был вдвое старше ее, имел постоянную работу. Он был домашним мужчиной.

Отец Ролана умер от длительного унижения и от выпивки. Брат Ролана уехал работать на свалку в Восж. А Ролан остался, потому что сердце его было здесь. Он был старше меня. Мы с ним не ходили в одну школу, я просто слышал, что он хороший работник, но сторонится общения с другими работниками. Он не любил грязные шутки, не выпивал и не курил трубку. Каждое воскресенье он ходил на мессу, и дома у него не было телевизора. Тело Марлен, ее кожа и волосы, все то, что волновало других мужчин, ему было неинтересно. Ему нравилось, что Марлен молчалива, это такое редкое качество у женщины, нравилось, что она, когда идет, то скользит по паркету, что она читает при свете огня вечерами и ночами, тогда, когда во всех остальных домах в окнах отражается лишь темная ночь. Никто, кого мы знали, не жил так. Он никогда нас ничем не раздражал.

Когда он приходит, то его собака всегда шла впереди и никогда не лаяла. Вот с собаки-то все и началось, я не говорю «из-за», а говорю «с». Это была вечно извивающаяся, неистовая, потерянная, на коротких лапках девочка, дворняжка. У нее была редкая рыжая с белыми пятнышками шерсть, розовый язык и желтые глазки и она боготворила своего хозяина. У нее была мягкая, теплая, гладкая, всегда чистая шерсть, мы хотели предложить Ролану покупать ее, но не смели предлагать. У собаки родились щеночки. Ролан оставлял их себе. Одного он подарил Марлен на наше третье Рождество на верхнем этаже дома.

Я каждый раз предлагал Марлен навестить бабушку, но она не хотела. Двадцать пятое декабря, это была одна из самых важных дат в году для магазина. Когда для чудес просто не оставалось времени.

Дедушка спал два часа между заказами печенья и круассан. Марлен не помнит, верила ли она в Деда Мороза. Очень рано она должна была безошибочно красиво украшать булочки. Она привыкла быть необходимым свидетелем автономии без промаха украшения пирожных. Свой подарок от бабушки и от мамы она получала в спешке утром двадцать шестого декабря с наигранной праздничной радостью, хотя ее уже невозможно было обмануть. Она любила то, как мы проводили праздники вместе, просто так, без всяких ритуалов и без принуждения. Уже в начале декабря они с мамой до мельчайших подробностей решали, какие десерты будут готовить, Марлен была признана всеми королевой десертов. Как и обычно, в этот год у нас был веселый, богатый, шумный обед, который проходил на нижнем этаже нашего дома вместе с моей матерью, моих тетками и их детками. Когда мы вернулись, уже наступила ночь. Мы вернулись в нашу тишину, к нашему огню, просто друг к другу. Ролан пришел примерно в девять часов вечера. Он был очень замученный после работы. Сказал, что пришел ненадолго. Он поставил щенка на стол, проворчал, дав советы по уходу и сказал, что пришел ненадолго, что собака в машине и что нужно, чтобы щенок привык быть сам, а также чтобы и мама - собака привыкла жить без него, добавив, что в ней очень много материнства и что щенка зовут Бибин.

Мы так вкусно поели, в этот раз праздник был даже лучше, чем в прошлый раз. Тереза не умела готовить, Мишель умел лучше нее готовить. Поэтому она нас троих так и не научила ничему. Мы все трое так и остались неумелыми. Все пироги, этот фондю, все оказалось таким восхитительным благодаря Марлен. Тереза так говорит, но на самом деле она очень за ней наблюдает. Эта девушка, с ее собственным стилем: одета всегда в черное, рыжая, она очень хозяйственная, очень домашняя, хорошо убирает дом, умеет быть внутри дома, очень внимательная. Мы ошибаемся, думая, что верхние этажи дома идеальные. Но это не так. Меня туда никто не приглашает, но я и не прошусь. Это Тереза разделила так дом по праву старшинства, она сделала молодым такой подарок, отсюда отлично виден порт, но этот этаж невозможен для жилья, он обдувается всеми четырьмя ветрами, а зимой эту часть дома засыпает снег. Лично для нас этот дом ничего не значит. Мы могли продать его, но поскольку он находится у черта на куличках, то никто не захочет его покупать. Мы проводили здесь наверху долгие зимние дни, ходили на мессу, час туда и столько же обратно, когда мы возвращались, то смотрели на опадающие листья на деревьях, но ничего не чувствовали, дорога, по которой мы ходили, была полна ямок, сейчас их нету.

Inna Volkova «Тот вечер, тот случай с собакой»

Девочки из школы смотрели на нас как на дикарок, которые живут где-то в горах, а они в это время уже были такими мадемуазелями в лакированных туфельках. Сейчас все легче, потому что снег убирает город, есть центральное отопление и ванная. У Лорана есть уже ванная. Когда он захочет, то может все. Но надо захотеть. А так он очень упрям. В нашу породу. А я совсем не такая. Да мы и не были-то в их возрасте такими: мы должны были все уметь делать по дому, ведь с тремя детьми на руках нужно было уметь жить на простую зарплату рабочего. А они вольны как ветер, без детей, живут просто для себя и все. Это понятно. Сейчас мода не позволяет иметь много детей: тогда будешь меньше читать, не будешь гулять, где захочешь, следуя своему режиму, поэтому она и остается в такой хорошей форме, она его держит этим. А у Лорана уже тот возраст, когда пора становиться отцом. Потом уже будет слишком поздно. Но в их паре руководит она, это точно. Марлен везде вносит смятение, ты бы видела, как на нее смотрят мужчины, что молодые, что те, что в возрасте. А Лоран совсем и не беспокоится по этому поводу. Она заколдовала его. Они с Терезой слишком наивны в отношении ее. Но я молчу. Я совсем не злая и не вмешиваюсь в чужие дела. Я просто посмотрю, что будет.

Это был мальчик. Рыжий, желто-коричневый и добродушный. У Марлен не было никогда домашних животных. Из-за магазина дедушка не терпел никаких домашних животных. У мамы были две кошки, но плодовые тиранки не завоевали ее сердца. Но Бибин ее победил и так к нам привык, что не узнал и своей матери, которая приходила вместе с Роланом к нам угостить его печеньем.

Я люблю январь и февраль, когда все как будто застывает в подвешенном состоянии перед новым годом. Время идет медленно. Все охватывает белый снег и вторгается в наши вечера в рассветы, снег становится главным. Утром нас будил постоянный, величественный, молчаливый, самый важный снег. Такая же молчаливая и наблюдательная Марлен, казалось, питалась снегом. Так она несколько раз прочитала Снежную Королеву в стране, где не часто идет снег и где он сразу же становится коричневым, делая гравий сатиновым и как бы ускользающим, делая гравий сатиновым и как бы ускользающим. Она вспоминала безе, которому дала такое название: «Снежок». В это время воскресные утра были долгими. Поэтому в это время можно было припоздать с приготовлением безе. Эту сладость можно было как настоящему знатоку, прямо как бабушке самой попробовать на язычок.

Сначала безе становилось похожим на победителя, потому оно становилось больше и расплывалось слезой на порцелановой тарелочке.

Если я работал, то Марлен гуляла с собакой, которая бежала впереди, жадная до холодного свежего воздуха и до холодной травы. Она бегала туда-сюда внимательная и полная впечатлений. Она полностью была поглощена всем происходящим вокруг. Однажды вечером в апреле Бибин, возвращаясь с прогулки, перебежала дорогу в городе и была сбита машиной. Водитель машины, женщина, она была потрясена случившимся и предложила Марлен отвезти собаку в ближайшую ветеринарную клинику. Марлен не водила машину и она согласилась. Ветеринар не был уж слишком сентиментален, он привык лечить животных, это была его работа, лечить «зверей», собак, кошек и других. Он любил лечить «полезный скот», телят, коров, лошадей, свиней, а не деревенских других животных. Он не обращал внимания на собак и не любил, когда их хозяева приходили к нему домой за помощью. Жена ветеринара прохладно встретила Марлен и сжатыми губами авторитарно попросила подождать, пока мастер своего дела завершит прежнюю работу и, не забыв уточнить, что стоит все будет 120 франков, так как именно столько стоит зашить собаку, ведь собаку именно нужно зашить.

Марлен, сидя неподвижно прождала больше часа. Бибин спокойно дышала на ее коленях. Она не двигалась, но кровь перестала течь. У нее были открыты глаза, и взгляд был живым. Собака верила хозяйке, верила, что она ее спасет. Наконец, пришел ветеринар, она узнала его, много раз она натыкалась на него на ферме: в коровниках, на кухнях, у него была особенная черта тщательно мыть руки под краном, пить кофе, специально приготовленное для него, где он лечил, а также особенная манера сидеть. Женщины знали, что он не употребляет алкоголь, пьет крепкий, без сахара кофе. Он был не отсюда, а из Сомма. Это город на самом краю, высоко, на севере Франции, где выращивают крупы и производят сахар из свеклы. Одним словом, это был уважаемый человек. Он понимал животных, людей, он знал, как с ними обращаться. В общем, он был на своем месте. У него было редкое, мягкое, нежное имя: Албан.

Ранее он не был знаком с Марлен. Он, ворча, ведомый своею женою, вышел в коридор. Я думаю, что для него это была очень важная встреча. И я понимаю его. Иначе и быть не могло. Я могу представить, как сильно вдруг начало биться его сердце, как в нем появилось больше жизни, так оно стало глухо биться и почти заболело, как в животе появилась какая-то пустота, как стали трястись руки, а ноги стали ватными. Как с ним стало происходить что-то необычное или уже давно забытое. Что-то не свойственное его худому, зажатому, окутанному некой

оболочкой телу. Это сложный момент, понимание и осознание которого ускользает от меня. Марлен вторглась в его жизнь. И он понял, или, по крайней мере, почувствовал, что теперь он зависит от Марлен и что его, созданная им, сильным мужчиной, выстроенная, налаженная жизнь, теперь в опасности. Она была очень красивая, еще красивее, чем тогда, четыре года назад, когда я ее встретил, она становилась с каждой секундой все красивее и красивее. Красота была в ее коже, в ее волосах, в ее отстраненности от всего мирского, в ее манере сидеть, в этом промежутке между дистанцией, которую она держала и той близостью, которую разрешала почувствовать, в ее манере ходить и наклонять голову. У нее были зеленые глаза.

И эта со своим щенком. „Я,- говорит, подожду, у меня есть время.“ И что они о себе думают эти девчонки. А она умеет себя преподнести. И все сразу же за ней начинают бегать, она привлекает их потому, что молчит. А эти собаки, вечно бегающие или те, охотничьи, я не люблю их. И он тоже. Когда мы шли по коридору, чтобы перевязать ее. Он хорошо сделал ей укол. Он умеет это. И я не поверила в то, что стало происходить. И он стал таким смешным, когда это он стал интересоваться собаками? Она, наверное, смеялась над ним. Она одного возраста с Валери. В этом возрасте возможно все. Мы еще поговорим с ним об этом.

Нет, я никогда не была такой. И Валери тоже. Она никогда так себя не вела. Она даже ходит по - другому. Она очень милая, молоденькая, а с мужчинами ведет себя необычно, хотя он ей в отцы годится. А он, вот как бы он отнесся к тому, что его дочь, ночью садится в машину к незнакомому человеку и уезжает непонятно куда? Я вот задам ему такой вопрос. Но он не ответит. Он никогда не отвечает. С ним невозможно разговаривать.

Где-то внутри он похож на мою мать. Она насаждают на дело и просто много работают. Ничего другого про них не скажешь. Они все время работают и молчат. Наверное, думают, что если о проблемах не говорить, то они просто перестают существовать. Что ко всему привыкаешь, забываешь, как-то договариваешься. И что это и есть жизнь. Они ничего не замечают. Или просто делают такой вид.

Моя мать знала, что у него есть другая женщина и ребенок. И все об этом знали. И что они живут на расстоянии друг от друга. Что есть сводный брат, которому на тот момент, когда я узнала обо всем, было восемь лет. Я сама об этом спросила у своего отца. Он говорил, что двадцать лет - это тот возраст, когда уже все понимаешь. Особенно я. Я же старшая. Он всегда гордился, что я

хорошо учусь. Он тоже мечтал учиться. Он никогда не хотел быть крестьянином, земледельцем, работать в деревне на земле, с животными. Он все это ненавидел. Ему даже неприятен сад. Жить в небольшом городке, это как вариант хоть как-то улучшить свое положение. Он всегда был мечтателем, всегда желал большего, выходя за рамки обыденного. Он, например, очень заботился о руках, он не хотел, чтобы его руки были похожи на руки человека, который работает физически. Он мечтал о другой профессии и уверенно шел к цели.

Другая его жена была из богатой семьи, они торговали тканями, она рано осталась вдовой и без детей и она хотела посмотреть дом в Марсене. Журналы домов были в Бриве. Она приезжала часто на машине вместе со своим сыном, моим сводным братом по отцу. Она быстро ездила и не хотела во второй раз выходить замуж, а просто хотела быть свободной. Вроде бы у нее кто-то был в Бриве. Люди называли ее «Вдова» и не любили ее, но уважали из-за дома, машины и денег, которые, по всей видимости, у нее водились. Мой отец был ослеплен ею, а ей, кажется, нравилось руководить им, быть главной в отношениях. У моего отца была собачья душа. Мой отец был как собака. Это мой отец, но он похож на собаку.

Видимо, он сразу же почувствовал опасность и поэтому решил позаботиться о собаке. Марлен меня предупредила, сказала, чтобы я приехал и оплатил консультацию, потому что у нее не было с собой денег. А он не захотел, чтобы она со мной говорила по телефону. Этот ветеринар сказал, что он сам отвезет ее домой, что у него поблизости есть дело, что он должен посмотреть одно животное недалеко от нас. Марлен не протестовала и не задавала никаких вопросов. Она именно так привыкла разговаривать с сильными личностями, одновременно как будто бы и подчиняясь и ускользая. Она тоже сразу же почувствовала этого мужчину, но не до конца еще все осознала. Ведь, кроме меня у нее никого не было. Только интуитивно она могла что-то понять, опыта же было у нее недостаточно. Но теперь уже ничего не изменить. И нечего уже менять-то.

У Бибин было два гипса, у нее был белый и голубой бинты, и она была похожа на мумию, или на ребенка в пеленках в начале века. Под укоризненным взглядом своей жены, он положил собаку на задний сиденья своего Ланд Ровера. Марлен же села рядом с ним. Я не могу знать, что происходило с ними в этот момент. Я не могу. Все мое нутро сопротивляется этому. Да и это уже история, которая принадлежит только им. Ночь была тихой и холодной. Он любил Баха, его машина служила

салонем для прослушивания музыки этого композитора. Я знаю, потому что слышал, когда он приезжал или уезжал с фермы. Тогда музыку немного оглушало хлопанье дверцы или жужжание мотора. Люди говорили, что он водит машину, как сумасшедший, что музыка звучит в салоне, что ездит он в полном одиночестве, что он хуже на дороге, чем молодежь и что когда-нибудь что-нибудь случится. Его мозг просто затуманился этой музыкой и тем, что Марлен была рядом. И он почувствовал себя полным жизни как никогда. И почувствовал всю жизнь как-то по-другому, потому что она была рядом, я это точно знаю. Ей ничего не было нужно. Есть такие женщины. И это была лишь просто встреча. Она просто встретила сначала со мной, а потом и с ним. Произошли похожие встречи.

Я иногда думаю о ней, лежащей под ним. Он такой огромный, угловатый, толстый. Он как людоед. Он словно проглатывает ее, пожирает, много раз подряд, чтобы иметь ее внутри себя, чтобы освободиться от нее, чтобы выздороветь. Потому что он не такой как я, он боится, с самого первого вечера, с такого самого случая с собакой, он боится. Потому что он у нее не первый мужчина и он знает, что она может уйти и как она уходит. Я этого не знал. Я не знал, как уходят женщины. Я ждал ее дома. Я с ума сходил от нетерпения. Я уже звонил маме и в полицию. Никто ничего не знал, никаких дорожных происшествий не наблюдалось. Я и не знал, что думать и что делать. Но ждал, что она позвонит. Я не осмелился пойти искать ее, да и где? Черный пустырь, окружавший дом молчал в тишине. Она потерялась или ранена. Ей страшно, но собака ее поддерживает и согревает. Я позвонил Ролану. Он ничего не стал спрашивать, а просто пришел сразу и все. Ролан был пожарным-волонтером и принес с собой аптечку скорой помощи. Мы взяли с собой фонарики, и пошли выкрикивать ее имя в ночи. Я никого не звал громко ночью, еще ничье имя не выкрикивал в ночи, ни одной женщины, ни никого другого.

Они приехали через несколько минут, после того, как пришел Ролан. И мы остались вчетвером. Ролан готовил и подавал кофе. А она занималась собакой. Она сказала, что она сама ничего особенного не сделала. Я ждал, чтобы остаться с ней наедине. Мне становилось страшно и руки мои бережно обхватили теплую чашку. Он разговаривал с Роланом и не смотрел на меня. Он наблюдал очень внимательно за ней, когда она занималась собакой. Ветеринар встал, чтобы помочь ей с собакой. И их силуэты показались на фоне, он, брюнет с длинными руками, она со светлыми волосами. Я видел только ее волосы. Между ними была собака в корзине на коврике. Я почувствовал, как Ролан смотрит на меня, он

попрощался со мной. Я хотел заплатить ветеринару за собаку. Но он сказал, что ничего не нужно и что он тут неподалеку часто бывает. Я чувствовал, как он не находит себе места, как волнуется и ничего не может с этим поделать, не может устоять перед ней. Он старался собраться с силами, заплывать в дамбу и переорганизовать флот. Но он был очень слаб. И, наконец, пришло опьянение, пришло именно тогда, когда он понял, что и она тоже готова. В нем проснулась забытая лихорадка или никогда не познанная, она стала его кровью и съедала его. Он вышел от нас поздно ночью, ночь его проглотила. Я видел, как его фары освещали дорогу. Он не зашел к соседям.

Это хорошо, что Лоран меня позвал. Мы ориентируемся хорошо тут, на местности, и если она потерялась, то мы найдем ее. Все будет хорошо. Она сойдется с ветеринаром. Он хочет ее. Марлен и этот ветеринар, они как собаки, моя мать так бы про них сказала. Он заберет ее. И она пойдет с ним. Есть такие мужчины, которые так делают, или есть такие женщины.

Моя мать бы сказала что-нибудь плохое о Марлен. А Лорану она сказала бы: «Будь начеку. Будь внимателен. Ты слишком доверяешь ей. Ее нужно чем-то занять, заведите детей, это как-то удержит ее, верно? А иначе, ты шутишь что ли? Посмотрим, куда ты приплывешь». Она могла так сказать, в один присест. У нее всегда было обо всем свое мнение: о политике, о журналах, о людях, которые встречались на ее пути. Ей все было интересно. Один раз она закричала отцу, когда увидела девушку в телевизоре: «Тебе надо пригласить эту девушку к нам на зиму. А то ты меня беспокоишь. Так ты бы помог всему миру.» Мой отец покачал головой и вышел. Потом я слышал их споры в спальне. А я бы хотел, чтобы эта девушка пришла к нам. Я бы хотел так помочь миру.

А мой брат смеялся над этим. Он всегда над всем смеялся. Он зарабатывает деньги. У него есть женщина, разведенная. У нее взрослая дочь. И она больше не хочет иметь детей. И он решил уехать. Ничего другого он не хотел, лишь бы не оставаться здесь. «Если здесь оставаться, то это значит похоронить себя заживо с такой матерью. Ты закончишь как наш отец, который повесился. Ты знаешь сам. Ведь это ты его обнаружил. Я не знаю, как ты вообще можешь после этого заходить в мастерскую. Ты сказал, что это случилось как-то неожиданно. И люди верят этому. А сколько плакала мама, чтобы ей дали фальшивый сертификат его смерти. Чтобы нам, сыновьям, не было стыдно. И это все, что она сказала, я слышал. Она сказала, что мы живем в деревне, и что тут людей судят по тому, из какой они

семьи. У моего мужа не было своей головы на плечах. Если бы меня не было, то он бы выпивал. Знаете, как это тут бывает. А я как-то его держала. Она так держит и тебя. И ты, поэтому и уезжать отсюда не хочешь».

Так со мной говорил мой брат, который перестал служить семье. Он как ребенок. А я сразу сказал, что я не служу, а поддерживаю свою семью. И я ничего ему не ответил. Он всегда был хитрее меня. Мама говорила: «Он более живой, активный, он всегда скажет свое последнее слово». Когда он уехал, она стала еще ужаснее. Я никогда ничего не говорил людям. Потому, что все равно никто не слушает. Это был последний раз, когда я говорил с братом. На похоронах матери мы ни о чем не говорили. Он приехал со своей женщиной. Они не женаты. Она старше его и это заметно. Она не захотела спать в доме. Хотя я все для них приготовил. Они пошли в отель. Он плакал на кладбище перед всеми. А я нет.

В этот вечер мы ни о чем не говорили. А послезавтра мы в полдень занимались любовью. Это был очень светлый день лета, очень яркий, смелый, резкий, захватывающий все пространство в комнате. Я спросил у Марлен, думает ли она о нем. Она ответила, что да. Она знала, что он вернется. Я думаю, что в этот момент ей было также плохо, как и мне. В моем животе что-то заболело резко, превратилось в узел и стало пустым. Прежде всего, это был вопрос тела. Нужно было окончательно убедиться, подождать, чтобы все понять, узнать. Я не боролся за нее. Я не знаю как это, бороться. Никто никому не принадлежит, кроме как себе. Перед ней я не плакал. Ни о чем не умолял.

Он вернулся через три дня. Три дня он боролся. И за эти три дня он все и решил. Он понял, что был готов разрушить свою жизнь и заодно и другую. Он сильный человек и пришел об этом заявить. У него не было времени бояться. Он выбрал для объяснений утро. Я был в это время на строительной площадке. Мы с ним пересеклись, когда я вернулся. Он мне помахал рукой, это был серьезный, значительный, ленивый жест и рука его как бы застыла в воздухе. Мне показалось, что все это длится вечно. Ему тоже было трудно. Я тоже помахал ему в ответ.

Ожидать от нас чего-то другого было просто невозможно. Я искал выход. Я искал выход для нас троих, какую-то трещинку в душах, которая бы помогла нам осуществить эту встречу. Вот должен же я был сделать что-то непоправимое, или наоборот, ничего не сделать. Мы были так удивлены, так не приспособлены к данной ситуации, наши одиночества как будто бы терлись друг о друга. И я вслепую искал выход в этом нашем болезненном смятении. Время как будто остановилось, а тела стали

такими тяжелыми, как будто мы как-то никогда уже не вернемся назад к своим жизням, и как будто понимание того, что они могут быть разрушены, сбивает нас и не дает доразрушать их до конца. Чтобы не уйти в пустоту. Поначалу во мне не было даже злости, сначала было так, злость появилась не сразу.

А в июне здесь часто идет дождь. Сплошные дожди, ливни. Как будто бы город сопротивляется лету. А в этом году снег выпал в середине мая. Мы проснулись утром, от того что свет залил всю нашу комнату. Собака выздоровела, она резвилась на улице и кусала снег своими молодыми белыми зубками. Мне это не нравилось. Исчезли наши спокойные зимы у огня и на краю света. Теперь мы мало говорили, у нас не было сил, мы были подавлены, побеждены. А Марлен скользила, как тень по дому, выполняя домашние дела, глажка, уборка, готовка. Она бродила по саду и посадила цветы у той стены дома, которая не была обдуваема ветром. В остальных местах ветер был хозяином положения.

Он все бросил. Надо было начинать все сначала ради нее. Он знал, что она пойдет за ним, что она будет рядом с ним. Он доверял ей и был прав. Это не тот тип женщины, которую можно просто держать рядом, как еду, на всякий случай и про запас, временно. Он хотел выбрать другое место жительства для нее. Хотел сделать это для того, чтобы на нее перестали так пронизывающе смотреть, чтобы не сплетничали про них: о том, что у него есть семья, что у него двое взрослых детей и что дочка приезжает к нему на каникулы, что он ей в отцы годится. А хотел Албан, чтобы у них была в распоряжении только ее красота и молодость. Он полностью изменил свою жизнь ради нее, теперешний мужчина Марлен знал хорошо свою профессию, а она была очень скромной, ее нигде не было видно, он также сам ходил в магазин. Она редко выходила, потому что либо боялась людей, либо просто не хотела их видеть. У меня уже была такая жизнь. Я начинал ее со стройки. Я все знаю наизусть. Она никогда не покинет моего сердца. Иногда мне кажется, что все это было не просто увлечением, а самой настоящей любовью. Я начал много работать.

Албан,

В первый раз за годы молчания ты мне два раза пишешь и приглашаешь на свидание и просишь не оставлять ребенка. Ты не болтун. И если ты что-то говоришь, то это значит что-то важное. Когда я увидела твое письмо, то сразу поняла, что оно последнее. Я оставила письмо в корзинке и пошла работать. Вечером я его прочитала. Я исправляла работы на СМ2, прежде, чем ответить тебе. Ты правильно сделал, что не пришел, так бы я тебе наговорила кучу

Inna Volkova «Тот вечер, тот случай с собакой»

плохих вещей, которые я не напишу. Я долго ждала. Целых пять лет. У нас было, что вспомнить и что начать заново. Но теперь я уже ни на что не надеюсь. Я больше не охочусь на мужчин. Мое тело стареет и с каждым днем оно мне нравится все меньше и меньше. Ей двадцать два, я почти вдвое ее старше. Я рада за тебя, за то, что для нее ты сделаешь то, что не сделал для меня. Но я сомневаюсь в ее возможности отдавать. И я не знаю, любит ли она тебя.

Франсин Курила

Однажды июньским вечером ко мне приехала его жена, она ждала меня, сидя в машине возле дома, который реставрировали и где работал я. Я понял, что она следит за мной. Я никогда ее не видел, но сразу же понял, кто это, как только она пришла. Она выглядела усталой, ее кожа была серого цвета, курила, выкуривая по пачке сигарет в день. Эта женщина сказала, что она и спать-то не может и что вынуждена принимать какие-то лекарства, к которым не привыкла, но по-другому нельзя и что она все-таки решила, что будет бороться. И чтобы иметь силы бороться, нужно спать. Так ведь? Иначе не выберется из всего этого.

Все шло слишком, уж, как-то просто. Она рассказывала, все время рассказывала мне что-то. Она была старше его на пять лет. Пока он учился, она работала. У его матери не было средств на учебу, да и здоровья тоже, а отец умер тогда уже. Он был молод. У него не было никакого опыта в учебе, но раз начав, он не хотел бросать и разбрасывать себя. Албан четко знал, чего хотел. Она не стала раздумывать. Она хотела любить этого молодого скупого человека, хотела, чтобы он пользовался ею и мечтал о карьере, о своем личном кабинете, о своем положении в обществе, согласно требованиям этого общества. Потом она оставила свою профессию, чтобы отвечать на звонки, заниматься счетами, ходить за покупками. С каждым днем становилось все сложнее и сложнее заниматься всем одновременно. И она сама построила себе дом и все ей, поэтому очень завидовали, а она никогда никого ни о чем не просила. Никогда никто не помогал ей с уборкой дома, она умела везде все успевать. Потому что она была дочерью дорожного работника.

И так у нее родилось двое деток: Филипп и Валери. Они родились быстро, с разницей в один год, когда ему было около двадцати пяти лет. Она говорит, и ее голос как бы тонет в дымных арках, она - это худенький человечек, замученный непонятной ответственностью. На короткое время в ней загорается ярость. Бессонные ночи сделали ее сумасшедшей, надломленной, состарили. Наверное, когда она была беременной, то была огромной, необъятной. Они что-то упустили. Но уже поздно, она потеряла его. Женщина трясет головой, делает какой-то сухой жест, что

говорит, что есть что-то, что она никому не расскажет, ни мне, ни никому-либо еще. После рождения мальчика, она стала одержима и поэтому была вынуждена перевязать маточные трубы. Двух детей ей было достаточно, и то, она не могла сказать, что она их сильно желала, особенно остаться с ними одной и воспитывать их самой. А он все писал в своих тетрадях в конце триместра. Ходил, бродил по комнатам, молча. Это она заставила его заниматься велоспортом. Он никогда не играл с детьми. У него просто не было на это времени. И он сразу же раздражался. На своего сына Албан вообще никогда не обращал внимания. Она говорила ему, что, если он пройдет по улице, то, наверное, и не узнает его, если он встретится на пути. А Филипп помнит его. Это неправда, что дети ничего не помнят. Наоборот. Сейчас Филип ведет себя очень вызывающе, никогда не скажет «спасибо», ничего никогда не скажет, он очень грубый. Сын такой же, как и его отец.

Она внимательно вглядывается в мое лицо, весьма нагло. Я знаю ее сына, все знают Дагета. Это несчастье для родителей, вот этот тот самый случай, когда деньги ничего не решают. Он три раза пытался закончить учебу на бакалавра и безуспешно, у него как будто ничего нет в голове. Я продолжаю слушать ее, как они пытались отдать его в частную школу в Лионе, это специальная школа для сложных детей. Но там он стал еще больше неуправляемым. Он этим временем вырос, и никто уже не пытался заставить его учиться. Но он не хотел работать, он вообще ничего не хотел. Сколько раз она в воскресенье утром приходила забирать его из полицейского участка. Полицейские звонили ей с Аналча, Сегура, Кондата. Он пил и скандалил вместе со своей бандой таких же здоровых бездельников. Они били стекла. Они совсем ничего не хотели. Они делали это ради удовольствия. Потом за все это приходилось платить, также приходилось разговаривать с людьми, чтобы те не жаловались и унижаться перед другими родителями, которые не понимали, как они не могут заставить своих детей подчиниться им. Она все взяла на себя, все делала сама. Потому что его отец не хотел в такое вмешиваться. Он был готов на все только ради своих клиентов.

Она поднимает подбородок. Уже никто не сможет остановить ее. Она была похожа на бурный поток. Вся ее жизнь, как будто кричала и выливалась из нее. Сын-это ее кровавая рана. После ухода первого отца ее детей, появляется другой, который ничем не отличается от первого. Первый похож на второго и наоборот. Она, женщина, которая положила на алтарь всю свою жизнь ради безответственных мужчин. Она стала ненавидеть их обоих. Она уже больше не может любить своего неконтролируемого сына, она уже слишком истощена, отдала ему все,

что могла, она верила в него, так она рассказывала мне. Деньги и долг – это все, что у нее осталось. Она не выгоняет сына, потому что не хочет, чтобы он превратился в бродягу и чтобы закончил свою жизнь в тюрьме. Конечно, все это меня не касалось, но она хотела, чтобы я все знал, чтобы лучше понять ситуацию. Ничего как-то не выходит у нее. Но она не тот человек, что расклеится, она знает свое место и с ней ничего не случится.

Наступает тишина и она закуривает вторую сигарету. Ее жесты стали очень неуверенными. Она сказала, что хотя бы у нее есть Валери.

Она все всегда преувеличивает. Говорит, что эта девушка твоего возраста. Она твоего возраста. И все, что я помню о нашей семье, это их отношения. У них какие-то лишь экономические интересы друг к другу. GIE. Вот и все, что значит семья для моей мамы, которая говорит, что она всем пожертвовала ради нас... И видит ли она себя сейчас с простой зарплатой обычного гражданина? Она мне говорит: «Моя бедная девочка, сколько тебе еще всего предстоит, ах, если бы я могла тебе помочь». Но сейчас я большего сделать для тебя не могу. А твой отец все из меня высосал. Вскоре после этого мама бросила его». Господи, моя девочка! И ты будешь такая же, как и я! Как все повторяется». Иногда она совсем не думает, что говорит. Мне часто стыдно за нее.

В четвертый и в пятый раз я с ней ходила в булочную, когда мы выходили, то в это время заходила беременная женщина, моя мать повернулась в ее сторону и почти в полный голос сказала: «И что они с собой делают!»

Она надменна по отношению ко всему миру. Мама говорит, что она всегда была такой, и что Филипп унаследовал самые плохие ее черты. Что на фотографиях она выглядит всегда хорошенькой, очень скромной, испуганной. Я совсем не похожа на нее. Вы похожи на своего отца. А вот он нисколько о вас не заботится». Мне кажется, что ничего другого мама мне никогда и не рассказывала. Или я просто забыла что-то. Потому что должна была. Я только и слышала, влюбленный отец, взволнованный, ослепленный. Я даже представить не могу, чтобы мать говорила о чем-то другом. Она всегда сидит в своем кабинете, музыка кричит. Нам с Филиппом стыдно за нее, Филипп не разговаривает с ней, старается избегать ее. «Это их дела, не вмешивайся, старайся как-то понять. Это такой каприз на показ для них. У них все нормально».

Ее зовут Марлен. «Такое имя у проституток, – говорит моя мать, она будет у тебя сосать, пока ты не достигнешь кульминации».

Когда Валери получила бакалавра с результатом «С», то ее отец очень гордился ею. Он купил ей красный Рено, никого ни о чем не спрашивая, даже мать, которая оплачивала все счета. Он просто положил ключи на стол и сказал Валери: «Иди, выйди и посмотри, что там». Она хотела быть ветеринаром, как и он. Он же не поддерживал ее и говорил, что это слишком тяжелая профессия для девочки и считал, что хорошенькой девочке посвятить себя работе ветеринара и пропадать целыми днями с собаками - это не очень-то хорошо. Он именно так и сказал: «Пропадать целыми днями с собаками». Что это неинтересно для девушки: лечить волнистых попугайчиков, собак, собачек, красных рыбок, кошек, как старушка. И говорил, что девочка просто запуталась. Но она действительно оказалась способной и выбрала профессию натуралиста, преуспела в своем учении и хотела преподавать. Она ко всему относилась очень серьезно.

Я позволил ей говорить и смотрел на ее руки, у нее были руки, как у ребенка, с короткими круглыми ногтями, эти руки не сочетались с ее огромным лошадиным телом. Наверное, она все же блондинка. И вроде бы она старше меня лет на десять. У нее много было боли, которую она прятала за всеми счетами, за регулированием этих счетов. Она не говорила «Албан», она говорила «ОН». Она не говорила о Марлен. Она лишь произносила «Ваша жена, или Ваша женщина». А я и не думал о Марлен, как о своей женщине. Я мог разозлиться на нее и, взяв за локоть, вывести. Я чувствовал свои кости, все свое нутро, я стал казаться себе странным, пока сидел и я стал белым как полотно, каким-то расклеенным. С трудом я посадил ее в машину. Она даже испугалась, поняв, что я все-таки мужчина. Она ждала, что я заставлю Мою Женщину вернуться, что я возьму ее в руки, в ежовые рукавицы.

Я почувствовал ненависть, ненависть к стареющей и тщеславной женщине. Она видела Марлен. Я промолчал. Она ждала, что я верну Марлен, что скажу, что он слишком для нее стар, груб, что он все делал только ради своей профессии, кроме нее и музыки он ничего не любит. Что он может приложить усилия, чтобы измениться, но потом он все равно вернется к своему прежнему образу жизни, к своим клиентам, к тому, что свойственно его возрасту, что сейчас он просто дебютант, у него не изменится характер. Нужно прекратить это сумасшествие. Все можно вернуть. Со временем мы все забудем. Мы как губка, которая напитывается всякой грязью во время уборки. Ну, что делать, видимо, нужно нам было через все это пройти. Иногда без этого семейная жизнь просто невозможна.

Губка, уборка, я хотел смеяться. И я засмеялся. Это ободрило ее, и она улыбнулась мне в ответ. У нее были белые зубы, слишком белые для ее желтого лица. Она закурила еще одну сигарету и предложила мне закурить. Она курила Джитан Маис. Она не вызывала доверия, эта женщина бы плакала и кричала, если бы встретила Марлен. Лекарства ей совсем не помогали. Мне следовало бы сказать ей об этом. Пусть люди ей расскажут, что ради Марлен я стал меньше работать, чтобы проводить с ней больше времени. Как мы вдвоем жили в доме, полностью изолированном ото всех. Как я живу теперь без нее? Я бы тоже мог за нее бороться, просто так, потому что мне так хочется. Албан никогда не интересовался женщинами. На ферме он всегда общался только с мужчинами. И если бы у него что-то было с другой женщиной, то он бы сразу же об этом рассказал. Ведь в деревне все про всех все знают. Или я бы узнала сама. У каждой женщины на этот случай есть свои методы. Я внимательно на нее посмотрел, но ничего не ответил. И какие у нее есть методы? Я представил ее, плоскую, использованную, распластанную, лежащую под ветеринаром.

Вечер был очень красивым, долгим. Это один из тех красивых, теплых июньских вечеров после затяжных месяцев снега и дождя. Когда, наконец, она перестала говорить, и нас двоих накрыла тишина. Я думал, что она начнет плакать. Мне было страшно и мне было жалко ее. Но я ничего не мог сделать для нее, кроме как врать ей. И я соврал ей, сказав, что обязательно поговорю с Марлен, чтобы она переехала к своей семье в Нормандию, чтобы обо всем хорошо подумать. Мы были в начале пути, и на дороге вместе с нами была лишь одна машина. В машине нас узнали. Тут все обо всем знали. Когда она пошла в парикмахерскую, то там все женщины молчали. И тут все позволяли себе так на нее смотреть, потому что она была местной. А вот он, приезжий. Как и Марлен. Наверное, в этом дело. Где мы рождаемся, там тяжелее всего жить, нужно уезжать, чтобы было легче. Ее отец так говорил, когда она вышла замуж, и приводил ей множество примеров. И он был прав.

Правило номер один: не выходить из библибуса, оставаться внутри.

Продавщица в бакалейном магазине молчалива. Она уродливая, толстая, маленькая и дикая. Я представил, как она вздыхает под продавцом бакалейного отдела. И мне стало противно. Такие люди давят на меня. И даже дети на меня давят, они орут и уже внутренне закрыты ото всех, даже самые маленькие. Я делаю вид, что я как все. Но вокруг слишком много одиночества и вранья. Одни и те же книжные истории и те, что я рассказываю другим и которые я сам себе

рассказываю и сочиняю. Это просто какая-то глупость, ходить в бакалейный магазин. Жан-Лук имеет больше информации о том, что такое история одной женщины. Он злится на Марлен, которая уехала отсюда с ветеринаром и что она ни разу так и не взглянула на него, на такого петуха. И смеется над Лораном. Он говорит, что разрыв между ними произошел еще раньше, что любовь она такая и есть: здесь выигрывают, проигрывают, играют, она есть, а потом исчезает. Он называет его Лоран, Электрик-Фея, Электрик-Сказочник. Он ничем не отличается от всех остальных. Когда мы были с ним любовниками, он меня забавлял. А сейчас он мне кажется смешным. Он красив, но это скоро пройдет, и он будет, как все скоро изменяться, потолстеет, станет шире. Он станет похож на самого себя, он разрешает на себя смотреть. А я не хочу смотреть на него.

Мне нужно навестить мать Лорана. Я вечно обо всем думаю в последний момент. Я никогда не разговаривала с ней, но я ее знаю. Я знаю, где она живет. Мне нравится ее дом, и она сама мне нравится. Я могу сказать, что в библиотеке не хватает некоторых книг, но она поймет, что я обманываю. Мне придется лицом к лицу столкнуться с ее болью, придется все вынюхивать, невозможно объяснить как это дико. Нужно, чтобы прошло какое-то время, чтобы она успокоилась.

Правило номер два: избегать плохих мужчин. Такой мужчина, который любил Марлен, не должен смотреть на меня. Он никогда не подойдет ко мне.

Мы не говорили о нем. Потому что нечего и сказать. Я попросил Марлен уехать на время в Нормандию, и там подождать, пока в Ардене все для нее приготовят, чтобы она начала свою новую жизнь. Жить без нее было выше моих сил, я боялся остаться наедине с будущим в никуда, с пустотой, с холодным как вода миром. Она ни с кем не поддерживала отношений. В этот же вечер она позвонила двум сестрам, матери, а бабушке она не перезвонила, потому что хотела сначала поговорить со мной и, чтобы я не платил за разговор. Марлен вышла и в теплой ночи заплакала на пороге у двери. Это было в первый раз. Она плакала очень нежно. Мне не было жалко ее. Я не хотел до нее дотрагиваться, даже до плеча и до волос.

Ее бабушка была в бешенстве, она была на моей стороне. Бабушка говорила, что я это мужчина тот, что нужно, что за ним как за каменной стеной, что у него хорошая профессия, что он укоренившийся, она так и сказала, "укоренившийся". Говорила, что я должен помешать ей уйти. Как я вообще разрешил ей совершить такую глупость. Так люди не делают, не уезжают на край Франции с женатым мужчиной, который и не собирается

разводиться и годится ей в отцы. Такие всегда оставляют мать своих детей ради более молодых, это очень плохие люди.

Так не уезжают, по прихоти. Или если Марлен именно такая, то она такая же как и ее мать. У нее одновременно было двое мужчин, старых, молодых, бесовестных, с нестабильным положением и три дочери от разных отцов. А в результате она осталась одна. Ее мать не была счастливой. С Вами, Лоран, она как будто получила прививку от непостоянства, вы должны помешать ей уехать. И именно я должна ее остановить, ведь я воспитала ее, я ее знаю, она послушает меня. Потом бабушка начала говорить мне «ты», это у нее случайно стало получаться, она занервничала, я увидел, я почувствовал, как она стара, как абсурдна, импульсивна и почти похожа на сумасшедшую. В результате Марлен ей перезвонила и сказала, что приедет сама, она останется у нее на некоторое время, и они смогут обо всем поговорить.

Мы больше не занимались с ней любовью после того, как она занималась ею с ним. Мы больше не спали вместе. Ее руки были обнажены, шея белая. Она была уже далека от меня, как будто уже уехала. Теперь я думаю, что уехать из своего города значило просто вырвать себя отсюда. Она мало спала. Я слышал, как она просыпалась ночью и подходила к окну, слушала ветер, воду, листья, камешки, лай собак, цветы. Она впитывала этот мир. Она всегда любила именно ночь. Иногда она выходила во двор. Я же оставался лежать с открытыми глазами. Тело мое было обнажено, напряжено, я следил за нею. Она была словно дикое животное, некая бестия, ходившая в моем доме.

Дом был моим, да, мы с Марлен оживили его, разбудили, она работала над этим вместе со мной. Но дом принадлежит только мне. Она не забирала дом вместе с собой, отдавая себя в другие руки. Она никого не предала. Она хорошо держалась. Она была спокойной. Когда-то она была только в моих руках. Она знала их тепло. Я пытался завершить историю любви нашего дома, и все внутри выло, в животе происходила сложная работа, живот пытался себя убедить, что Марлен для него ничего не значит, что он и не помнит ее. Я смотрел на нее, и все кричало во мне, застывая, а слова, рожденные глубоко в горле поднимались как бы из земли, плевались от ненависти к случайной женщине, к ее запаху, к ее белоснежным бедрам, ко всему, что было создано в этих стенах, на краю неба, в этом потерянном мире. Через некоторое время она уехала, а я больше не оставался в доме.

Наступило лето во всем своем великолепии, щедрое без разбора. Но я не чувствовал его помощи. Я находился в вихре одиночества, захватившем меня. Иногда мне хотелось с ним бороться, четко

обозначить его границы, хотелось силой подчинить его себе. Скоро она будет такой же, скоро я сделаю ее беременной, она будет водить машину и ходить в продуктовый и в бакалейный магазин, добиваться должности секретаря в мэрии. Она будет все время уставать. Заниматься разными видами счетов. Ее мама будет часто к нам приходить, чтобы навестить нас, раз в год на пару дней мы будем уезжать в Нормандию, к ее семье, чтобы дети со всеми познакомились. Она будет завязывать волосы. Я буду все время молчать. И все будет потихонечку разрушаться. Она больше не будет моей королевой.

Суббота, 2 июля 1979 год

Дорогой Жорж, сынок,

Мы всегда расстраиваемся в тех, кого любим. Я думала Мари-Элен хорошо с Лораном. Я думала, что у них родится ребенок и что они пожениятся. Ведь так правильно. Но нет, сегодня вечером она мне позвонила и сказала, что оставляет Лорана ради другого мужчины и уезжает жить непонятно куда, этот мужчина старше ее на двадцать пять лет, видимо женатый, ветеринар, который бросил ради нее свой кабинет, жену, детей. У него двое взрослых детей, она не говорит мне их возраст, не осмеливается. Должно быть, они одного с ней возраста. Я не понимаю таких женщин. Это ведь мы с твоим отцом воспитали Мари-Элен. Ты ведь знаешь, сколько мы ей уделяли внимания, сколько присматривали за ней, чтобы она не повторила судьбу своей матери. Можно сказать, что все было зря: все наши усилия, терпение, все наши надежды. Она была такая хорошенькая, умненькая, спокойная, скромная, развитая не по годам. В начальной школе учительница сказала, что если она захочет, то может добиться всего. Но она ничего не хотела. И тут твой отец сказал, что гены взяли свое и она такая же, как и ее мать. И мы ничего не могли с этим поделать. Мы лишь могли хоть как-то сократить ущерб от всего этого. »Эта раса нас тянет вниз«. В «эту расу» входила его дочь, его внучка, близняшки, которых он ни разу не брал на руки. И твоя сестра, которая все время на все подряд жалуется, он и ее не уважал.

И в кого превратится малышка? С этим мужчиной, который бросает или не бросает свою семью, который, возможно, как только пройдет страсть, вернется вместе с ней обратно. Марлен слишком молода. Но он все-таки ветеринар, значит человек умный, образованный. Он потом найдет причину какую-нибудь. И она найдет, и причина это будет такая, что он просто слишком стар для нее,

Inna Volkova «Тот вечер, тот случай с собакой»

другой и быть не может. И если она вернется, кто сказал, что Лоран примет ее обратно. У него есть чувство достоинства. Да она и не вернется к нему, она слишком гордая для этого. Все знают, что она росла без отца, врачи рассказали нам о ее сумасшедшем всплеске в Гавре. Это и убило твоего отца, добило до конца. А Лоран, это самый лучший вариант для Марлен, он старше ее, но не намного, их разница еще терпима, он человек с положением, уверенный в себе, красивый, умеет себя преподнести, а главное-очень влюблен в Марлен. Он из хорошей семьи, из семьи ремесленников, это надежные люди. Но жили они как-то изолированно ото всех, как-то очень далеко. И если бы у них был ребенок, но что тут сделаешь, если ты уже рожден таким, если у тебя в генах всякие глупости. И толку от этой физической красоты и привлекательности, что толку от этой любви, если посмотреть на мать Марлен, то она вообще никакая. А как на нее засматривались мужчины, месье Бертье мне сказал, когда ей было только двенадцать: «Эта малышка-сама красота. Нам не стоит быстро стареть». Я до сих пор вспоминаю его слова. И что вот надо было делать? Я же не могла ни с того ни с сего кричать на нее». Я даже и не знала, что и думать. Вот видишь, я хожу по кругу. Я так устала, я слишком уже стара для всего этого и твоя сестра совсем не заботится о Марлен, ей достаточно, видимо, близняшек. Она отдалилась уже давно от нас. И вот, пожалуйста, результат всего этого. Я надеюсь только, что скоро меня не станет, чтобы больше этого не видеть. Обнимаю тебя. Твоя любящая мать.

Мама.

Ролан пришел ко мне на стройку. У нас была такая традиция: встречаться на стройке. Мы не разговаривали. Я любил его медленные, уверенные жесты, его привычки, запах, выцветшие голубые брюки, доставшиеся ему от отца. У них был один размер. Он даже не подшивал под себя эти брюки. Я не помню его отца, но его могила рядом и с нашими могилами. Два медальона над могилами были лицом. Я не смотрел на него, потому что сын очень был похож на своего отца, и мне становилось не по себе. У меня почему-то было ощущение, что Ролан уже там, что он смотрит на меня оттуда, молчаливый, собранный и навсегда ушедший. Ролан не ходил на кладбище. Он не пропускал ни одной мессы, но вот ради христианских традиций Туссана он собой не жертвовал. Второй медальончик предназначался для его матери, но пока оставался пустым, были лишь выгравированы золотом ее имя и дата смерти, ее второе имя было Серафима. Это меня очень удивило. Такое нежное имя у такой

агрессивной женщины, у такого тирана. Видимо, она унесла туда свою тайну.

Я никогда не был наедине с Роланом. Его тишина успокаивала меня. Вечера были светлыми, такими, какими они бывают в яркое летнее время. И я не мог раньше ночи вернуться домой. Я приходил к нему. Принимал душ. Мы кушали вместе. У меня все время не было аппетита. Он ни о чем не спрашивал меня. И был очень задумчив. Я похудел, я похудел, много курил и чувствовал все время его взгляд на себе, такой же взгляд был у моей матери, тяжелый, но добрый. Иногда от этого взгляда мне хотелось плакать, настолько нежен был этот взгляд, но я не плакал. Однажды Ролан мне сказал, что если бы он не подарил нам собаку, то ничего бы этого не случилось. Я улыбнулся и сразу положил ему руку на плечо. И закрыл глаза.

Ветеринар не звонил мне, Марлен тем более. Она отправляла мне кассеты: одну и ту же кассету она оправляла мне два дня подряд. Она мне писала. Раньше мы никогда не писали друг другу, потому что никогда не расставались. Она никогда не писала при мне. Она была как привидение, ходившее по дому вместе с собакой у самых ног. Кассеты при мне она никогда не слушала, она всегда ждала, пока я уйду. Я вспомнил голос ветеринара, я никогда не говорил с ним, но я вспомнил его глухой, невредимый голос и что любопытно, почти молодой, почти такой же как у взрослеющего подростка, голос, который на грани надлома. Это не было каким-то увлечением для Марлен, нет, она была уверена в себе. И в то же время она не говорила, что больше не любит меня. То, чего не могло произойти, все же случилось. Мы бы продолжали жить вместе, и наша любовь бы продолжалась. Но невозможное все же случилось.

Я хотел поговорить с матерью. Я не хотел, чтобы она все узнала по слухам, чтобы чувствовала себя тяжело от любопытных взглядов, я не хотел, чтобы и она чувствовала мое унижение. Для людей это значит, прежде всего, унижение, унижение одного мужчины и победа другого в завоевании женщины. И это также победа ветеринара над ремесленником, победа музыканта над тем, у кого под ногтями грязь, победа приезжего над местным, обо всем этом шептались везде, при выходе после мессы, в бакалейном магазине, в кафе. Мы стали главными для города. И я был прав, что мы с Марлен станем такими же, как все, слабыми, нуждающимися, оставляющими за собой след. Такими же попрошайками и голодными. Мы опустились с небес, потому что стали нуждаться в этой общественной каше. Мы заменили вечернюю охоту самопожертвованиями на семейном алтаре. Я уже вижу ее моего возраста, окруженную детьми, которые липнут, хватают ее, представляю

ее в самой гуще такой жизни, которая затягивает и в то же время греет. Они иногда чего-то боятся. Иногда спорят, уходят друг от друга, чтобы потом снова начать заново и имеют на это полное право.

Я хотел защитить свою мать от взглядов, которые сопровождают истории, я сказал, что Марлен ушла к другому мужчине, что он ветеринар, что она уехала в Нормандию и больше никогда не вернется. И в первый раз после смерти отца, она заплакала. Я вышел, потому что я не мог плакать вместе с нею по себе. Я пошел на кладбище и рассказал ему то же самое. У него была другая женщина до моей матери, они сильно любили друг друга, но ее родители и не хотели слышать о браке с тем, кто играет по вечерам. И девушка перестала общаться с отцом. Потом мой дядя рассказывал мне, что отцу тогда не было и двадцати и, что он хотел уйти служить на войну, в Легион, чтобы быть убитым на другом краю света. Ему это казалось таким простым. Но дядя смог отговорить его. Правда, после этого отец год не брал в руки аккордеон. Потом он встретил мою мать.

Я плакала. Я не смогла остановить себя. Лоран думал, что я ничего не знаю. Но мне уже все всё рассказали, всю эту историю с собакой, с самого начала. Здесь люди всё знают. Здесь одни рассказывают о других, а другие рассказывают про первых. Тут, кажется, что и на кладбище всё то же самое происходит. Ну, вот, нужен был вашему сыну и его подруге этот ветеринар? А где собака попала под машину, кажется, что это случилось на улице Аранч? Это молодой щенок Ролана, веселый, он не мог его себе оставить. А Даже сейчас переезжает ради собак... Он бежит за деньгами. Хотя у него тут такой красивый дом. Конечно, он дорого ему обходится. И вот он и уезжает.

А ваш сын, он посвятил себя стройке у Кальмеля. Это тяжелый труд. Все должно быть готово тогда, когда оно еще и не начиналось. Мы знаем отца Кальмеля. Мы видим, как Лоран проходит мимо утром и вечером. Он рано идет на работу и долго работает. Мой муж часто видит его на перекрестке, когда он едет на работу, Лоран высаживается у Кальмеля. Эта семья все еще многочисленна, и они хорошие клиенты. Сними всегда, можно быть уверенным, что заплатят за работу. А они зря времени не теряют: не бегают по супермаркетам, чтобы сэкономить три франка и шесть центов. Ваша внучка заскучает одна в таком большом доме.

Ко мне сегодня приходила библиотекарь, она интересовалась Лораном и вашей внучкой. Это не по поводу книг, книги они оставили в пакете в мэрии. Она просто хотела что-то узнать о них, так уже

больше месяца она ничего о них не слышала. Я сначала хотела ее отправить к вам, но она такая стеснительная и тоже такая замкнутая. Я не хотела что-либо ей рассказывать, сказала только, что он много работает, а ее не видно в магазине, но она никогда и не ходила в магазин, поэтому я мало, что рассказала нового.

В бакалейном магазине, то одни, то другие, все болтают, даже не зная точно о чем. Мы не любим таких, особенно таких женщин.

Ему будет тяжело найти кого-то другого вместо нее. С нею у него совсем не было времени, было недостаточно времени. Она очень красивая и молчаливая, сама мистика. Она не похожа на других, на нас она не похожа, мы очень тесно связаны со своими мужьями, детьми, домом, местом, где живем. А ей это все как будто бы пока совсем неинтересно. Ее невозможно представить старой, толстой, постоянно сидящей, пресыщенной жизнью.

Он приехал за Марлен 14 июля, чтобы забрать ее в Нормандию. Это был четверг, и она меня обо всем предупредила. В девять я вышел из дома. Свет вламывался в окна. Я оставил машину у дороги и пошел прогуляться. Я пошел в сторону Сантуан, к самому ее источнику. Я начал узнавать эту тропинку. Мой дядя был тот еще рыбак. У него не было детей, и очень рано он нам с братом предложил познавать мир тишины и дикой рыбалки, он так и говорил «дикой», противопоставляя ее искусственному разведению форели, которую он демонстративно игнорировал. Он высмеивал, но с юмором, такую рыбалку. Мой дядя хорошо знал землю, местность, намного лучше нас с братом. Он очень любил рассказывать о природе, когда он говорил, то становился очень красивым. Он такое нам рассказывал, что мы с Роланом и не видели никогда, да и не увидели бы никогда, наверное. В пятьдесят лет он перенес тяжелую мозговую травму. Его как будто бы молния ударила, он больше не ходил, не говорил, но глаза и руки оставались живыми. Но дядя никогда ничего не писал. Моя тетя, которая жила в Авиньоне до своего замужества, забрала его в Миди, потому что дядя мечтал о солнце чтобы было легче ей за ним ухаживать. Он так и умер среди диких лесов. Сейчас, когда я иду по знакомой тропинке, то вспоминаю его. В тени веет изменчивостью, холодком и прохладой. Люди в моем роду не знают, что такое старость.

Когда я пришел, то дом уже был пуст. Она оставила пару слов на кровати: «Я тебя не обманывала». Я сжег их при помощи одной спички в камине. Она забрала с собой собаку. Я это предчувствовал. Звонил телефон, но я не ответил. Вечер был красив. Я вышел, сел на каменную скамейку возле дома, прислонился к теплой стене, знакомый и живой

ветер колыхал листочки и касался моих рук и моего лица. Я ни о чем не думал. Я чувствовал камень под своей спиной, руки мои лежали на бедрах, пальцы были слегка скрещены. Они как будто существовали от меня отдельно и были мертвые, явно выраженные. Я долго так просидел.

Потом, когда прошло довольно-таки много времени, была уже ночь, я поднялся, закрыл дом и ушел. Моя мама мне постелила внизу. На следующий день мы совсем не разговаривали, и я просто пошел работать. Мое тело, которое помнило и требовало любви, было разбито. Спустя несколько дней я стал думать о своем отце, который знал, что умирает и в течение трех месяцев он был наедине со своим плохим самочувствием и со смертью. Должно быть, он чувствовал себя где-то очень далеко от всего и только чувствовал близость моей матери, меня и брата. Мы были очень живыми, механизм наших меняющихся тел служил нам, захватив нас целиком, мы не понимали этого, не осознавали. А мой отец уже все понимал, что такое тело, знал и ждал, когда боли станет меньше. И я ждал. Я не буду умирать от такой боли. Да, она попользуется мной, но потом оставит. Оставит меня истрепанным, как бы исчезнувшим, в почтенном возрасте, но живым.

За все лето, я вернулся в дом лишь раз, чтобы забрать вещи и опустошить холодильник. В этот день шел теплый дождь, в конце которого засверкала молния, такой теплый, воздух пах цветами, был вечер, но еще не ночь. Я ходил дома в темноте, не было лампочек, да я и не осмелился бы также, как Марлен включать свет до наступления ночи. Она любила этот обряд, волосы ее блестели, руки были бледными, а движения мягкими. Я закрыл дверь в комнате и прислонился к стене, я слышал, как кровь кипит во мне, как она ходит по венам, очень мощно, тупо, не желая этого. Я закрыл глаза и заплакал в пустой комнате. И долго плакал, теперь я осознаю, что я долго плакал. Потом уже каждый день приходила моя мама, открывала окна, и свет освещал комнаты, где больше нет Марлен. И я живой стал мертвым.

В августе мой брат приехал провести время вместе с Шанталь. Он хотел, чтобы я оставил этот город. Он говорил, что Марлен ушла, не потому что она встретила другого мужчину, а потому что мы никак не можем приспособиться к этому городу. Мы не можем его приручить. Иногда бывает, что место, где ты родился не подходит для тебя, чтобы ты тут жил и старел. Здесь слишком много одиночества, слухов, пустоты и дурноты. Иногда это превращается в какую-то болезнь у нас. И что у меня уже есть симптомы этой болезни. Ришар настаивал. Надо было, чтобы я уехал. Я слушал его. Шанталь молчала, я чувствовал на нас ее взгляд. Я уезжал уже, я жил в Клермонте, в Лионе, работал, любя музыку, знал

многих женщин и мужчин и вот теперь я дома. Я считаю, что нет необходимости выпрыгивать из самого себя. Я хотел остаться тут, наедине со всем, что у меня тут есть и что так на меня влияет и поэтому, оставаясь, я становлюсь хозяином своих желаний. И даже боль, которая не является ни профессией, ни призванием, но которая, истощившись обязательно закончится. Даже боль не может меня заставить уехать, я хочу быть один на один с миром, весь который виден отсюда. Я ничего этого не объяснял Ришару, а просто сказал, что остаюсь здесь и что причина ни в работе, ни в матери, ни в воспоминаниях.

-Иногда я спрашиваю себя, как Марлен могла жить здесь целых четыре года вместе с твоей матерью и с твоим братом. Я, например, к концу недели уже их не выдерживаю. Я знаю, что они жили отдельно, на втором этаже, но твоя мать и твой брат — это та еще сладкая парочка. Лоран кажется потерянным. А он хорошо сказал: "Марлен уходит. А он возвращается к маме. В тот же вечер! В тридцать четыре года!

-Ты не знаешь его. Этот дом был создан для них двоих. Это понятно, что сейчас Лоран не выдерживает больше оставаться там один. Дом теперь умер и стал похож на могилу. Лоран становится похожим на нашего отца.

-Ты как-то не похож на них. Ты не сентиментален. А на кого ты похож?

-Ты хочешь сказать, что я не думаю о людях, которые больше не мои близкие друзья?

-Я не знаю, но мне кажется, что ты не будешь носить траур по ушедшей женщине. А вот Лоран уничтожен. Он как пустой конверт, он истощен. Я не знаю, как тебе это объяснить. Выглядит он как будто бы ничего, но смотрит он на нас пустыми глазами. Он говорит, кушает, пьет, занимается делами, но его как будто бы нет. Когда ты говоришь с ним, он отвечает, но не слышит и не понимает тебя. Твоя мать боится, что он что-нибудь сделает с собой, что он повесится. Она говорит, что тут так делают. Ты боишься за него?

-Нет. Он не сделает этого. И причина этому, наш отец. Это правда, что они похожи. Они очень живые. Ведь смерть отца переживали именно они вдвоем. Ведь во время болезни отца именно Лоран был с ним все время, я был в то время в Париже, потом я стал приезжать каждые выходные, но все-таки они были вдвоем. Лоран был с ним, когда он умер. Мама спала в это время, а я был в поезде. Нужно всегда оставаться живым. Иначе нельзя. Без этого качества они не смогли бы все это выдержать.

Здесь трудно встретить кого-то вместо нее. Здесь нет других, незнакомых женщин, кто бы ни знал Марлен и нашу с ней историю. Я слишком много отдал Марлен. Здесь такого не любят никаких изобилий. Они кажутся здесь подозрительными. Так я, получается, мужчина с избытком, мужчина без меры. Здесь женщины истощены мужчиной, живут ради него или работают и посвящают себя карьере и так работают с понедельника по пятницу в течение целого года. Это обычно очень молодые незамужние, девушки, которых все знают по именам. На стройке, когда строители рассказывают пошлые шутки, то с любопытством посматривают в мою сторону. Возможно, все эти грязные шутки, это некое желание подчинить женщину, являющуюся для них мистикой. Я же никогда не боялся женщин. Да, когда я был молодым, я смеялся вместе с ними над этими грязными шутками, просто, чтобы быть как все. Сейчас я в этом просто не нуждаюсь. И они знают, что я их не предавал.

Я не теряюсь в женщинах. Я осознаю, что все, что во мне есть — это лишь телесные желания. Я не такой мужчина как все. Те женщины, которые хотят меня, знают это, знают, что я одалживаю себя. Это замужние женщины. Которые прячутся и мечтают. А я как-то обхожусь без чувств и без любви. Я как вдовец. Люди очень чувствуют тайны других, ведь это именно они дали мне такую кличку: Вдовец. Люди совсем не злые. Просто они находятся в своем кругу общения. Иногда я чувствую, как эти люди прохаживаются со мной в замешательстве. А вот Лоран, моя, мама, Ришар, когда он приезжает, кухни иногда выходят за пределы этого ограничивающего круга. Мы все находимся внутри этого круга, причалившие. Мы как маленькая горстка живых человечков.

Я стал ходить на рыбалку, этому нас с Ришаром научил дядя. Мне было спокойно среди речного шума, в самой середине весны, когда снег еще лежал на дорогах по аллеям, а также когда слышался шорохом опадавших листьев и во время летних рассветов. Я рыбачил на глаз и на слух. Я наслаждался, когда все распускалось и зеленело, наслаждался интимностью всего этого и тишиной. Мне нравилось ходить, я любил погружаться с четкими и определенными контурами природу, в ее мягкость, в ее мертвые руки. Меня захватывали запахи, запахи мяты, пота, земли, воды, банки с рыбой. И я не о чем не думал.

С ним у Марлен родился ребенок, мальчик. Продавщица бакалейного магазина сказала это моей матери. А это она узнала от жены ветеринара, которую в свою очередь встретила в парикмахерской в Алланче. Жена ветеринара не теряет себя, она держалась очень гордо, разговаривая с ней, она давно уже не плакала, она сохранила дом, свет в

этом доме и чувствовала себя очень хорошо, потому что сдавала его. И это было очень выгодно для нее. Коровы похудеют ради ребенка старухи. Так сказала продавщица в бакалейном магазине. Это такое устойчивое выражение. Я представляю Марлен с округлившимся животом, такую же, как многие другие беременные женщины, которых мы видели. Я представляю это ее ожидание на лице, в теле, в жестах. Но что-то от меня убегает, что-то ускользает. Я теряю ее, уже много дней Я теряю ее, все больше и больше нас разделяют дни. Они отделяют нас от того времени, когда мы были вместе. Мы становимся пустыми, это наше время оставляет нас. Все медленно умирало. Это уже была другая женщина. Другая женщина сделала в ней ребенка, сделала его от другого и под небом другой бесконечности и другой высоты.

Я думаю, что моя мама говорила мне об этом ребенке, чтобы сделать мне больно. Она знала, что мне трудно. Возможно, она ненавидела Марлен за эту боль, которую она причинила ее сыну, за кровь в этой войне за живую любовь. Но она об этом ничего не говорила. Сейчас она больше не вспоминает о Марлен, она считает, что слабость именно во мне, что я должен быть более энергичным, должен стараться изо всех сил, стать более открытым, более уверенным. Она говорит, что мне не хватает живости, огня. Она не знает, как мне это сказать и поэтому говорит об этом ребенке, потому что уже более трех лет со мной так ничего и не происходит, кроме просто изображения, что я стараюсь жить, как обычный ремесленник, упорный, неуступчивый, упрямый, закрытый. Она такого не ожидала, что ее сын от нее уйдет, не ожидала этого и от своего мужа, это как смерть для нее. Она держится от всего этого подальше, защищая себя, потому что не любит драмы. Мы долго живем вместе в одном доме. И мы делим территорию.

Утром я ее не вижу, моя мать никогда не любила рано вставать, прежде, чем заснуть она ставила себе на стол чашку и заваренное кофе, накрытое блюдечком. Утром среди кухонной тишины я ей его разогревал, огонек газа горел голубым. Наша жизнь полна маленьких привычек, которые делают один день похожим на другой. Иногда вечером она говорит о своих сестрах, о родителях, о моих кузинах, о Ришаре, о моем отце, о дяде. Я слушаю, задаю вопросы и так мы оживляем память. Она потирает одну руку о другую, слегка скрещивает пальцы, которые обычно неподвижны, когда произносит имя моего отца. У нее очень певучий голос, такой не свойственный нашему городу, не слившемуся окончательно с югом страны. Мой отец был ее первым и единственным мужчиной, она знала, что по вечерам, он бывает окружен более красивыми и молодыми женщинами. Он был музыкант, и женщины

тянулись к нему, желая заполучить частичку той радости, которая жила в нем. Они его любили. Но моя мать никогда не чувствовала себя в опасности, она не чувствовала никакой угрозы. Да, иногда она страдала, когда чувствовала запах духов другой женщины на его коже или замечала его отсутствие по причине задумчивости о другой женщине. Но с ним она чувствовала себя на своем месте и он также себя чувствовал.

Ты что собираешься кормить своего сына грудью? Ты знаешь, что сейчас уже никто не кормит, особенно в твоём возрасте. Когда ты родилась, в этом не было и вопроса, но когда родились близняшки, мне было тридцать пять, и я отказалась. У меня было молоко, в первые дни было очень больно, нужно было его сцеживать, но потом при помощи лекарств оно закончилось.

«Все». Она постоянно говорит и довольно-таки громко, что она довольна, что у ее дочки муж, который не оставит ее ради более молодой девушки. Он хорошо устроен и у него есть средства на жизнь. «У него много работы, он на виду в обществе, он ее боготворит, боготворит нежно».

Три дня она пробыла здесь, а ее слова крутились в моей голове в течение месяца.

Боготворить ее, обожать утром, вечером, когда она, распластавшись, лежит под ним или на нем, любить ее так, как будто до этого он никогда не занимался любовью, как будто бы наверстать все упущенное, прежде чем постареть.

«Меня часто считают твоим отцом, когда я забираю сына из школы, меня считают его дедушкой». Это правда, что тут сказать. Все время происходит это тирания, когда на нас смотрят. Мужчины смотрят на меня, все хотят этого, хотят быть внутри, обладать. Я знаю это. Мы никому не принадлежим. Лукас не принадлежит мне. Хотя он мой сын. Каждый остается сам по себе, наедине со своим телом, чтобы стареть и умереть. Это встреча, в которой мы оба нуждаемся: я и Албан, я и Лукас, я и Лоран. Моя мать даже не была с ним знакома. Если бы она меня услышала, то не поняла бы.

У моего сына есть отец, у Лорана есть мать, я не оставила его совсем одного. Он скоро начнет жить заново, все мы когда-нибудь начинаем жить заново и что мы прекрасны в этом начинании, так говорит Албан и мы никогда не знаем точно, продолжаем мы или начинаем заново жить. Мы прекрасны, или безжалостны. Он использует два этих прилагательных слова, в зависимости от дня.

Вчера Ролан совершил суицид. Он повесился. В своей мастерской в сапогах. Мне позвонил мэ́р. Это была ночь. И я пошел. Под его

подмышками все еще сохранилось тепло. Сначала он повесил свою собаку. В доме был порядок, я почувствовал всю тяжесть этого дома на себе. Я никогда не заходил в его комнату. А его родители были подписаны на журнал Парис-Матч. И он сохранял подписку после смерти матери в течение нескольких лет после смерти матери. Два старых номера лежали раскрытыми на его столе. Больше там ничего не было. Его кровать была очень узкой, почти такой же как кровать для подростка, постель была белая. Стены были с лепниной и пустые, только над столом в рамочке, как будто это был рисунок, от руки, бронзовый, образ молодой Девы Марии без ребенка в рамочке на велюровом бордовом фоне.

Я отнес гроб на кладбище. Вместе мы уже носили гробы других. Так мы: я, Ролан и Ришар несли гроб моего отца. Это не какая-то семейная традиция носить гробы, просто мой отец об этом попросил. Ролан не оставил никакого письма. Он никогда не писал письма, писал только по делу своим крупным почерком правши, с трудом научившемуся этому ремеслу в школе. Я покопался в его бумагах, чтобы найти адрес его брата. Я позвонил ему, он намного моложе Ролана и не говорит мне «Ты». Я слышал, как на заднем фоне работал телевизор. И как он кому-то сказал:» Мой брат совершил тупость. А женский голос переспросил: »Что еще раз?»

Он сказал: »Мой брат сделал то же самое, что и отец». А у меня спросил: » В мастерской?» А я и не знал, что отец Ролана точно также умер. Никто никогда не говорил об этом, тем более сам Ролан. Иногда он рассказывал анекдоты о своей матери и очень громко над этим смеялся. Это была такая традиция. О своем брате он почти ничего не рассказывал, кроме некоторых ссор, когда он повсюду брал брата с собой, пока тот был маленький. Он предпочитал разговаривать с ним, а не с матерью после того как удалился от них, чего мать не могла никак пережить.

У меня есть свое воспоминание об этой женщине, которое многие года смущало меня. Это был мой день Рождения, когда я получил первый свой мопед, я пришел искать его в дом семьи Ролана, так как именно там спрятал его мой отец. Я зашел в мастерскую, но там никого не было, я позвал, но мне не ответили и тогда я толкнул дверь, которая вела в сад и она была там. Она стояла ко мне спиной, огромная, ее юбки были подняты, белые ноги согнуты и расставлены, обнажены, была заметна белизна ног и она писала очень уверенной струей, моча текла между ног, отражаясь золотом при вечернем свете. Чувствовалось тепло от мочи. Я убежал. Тогда я подумал, что она писает, как корова. Больше я такого ни у кого не встречал, даже у Марлен.

Я ничего не мог сделать для Ролана, потому что он не подавал никаких признаков. Он ничего не говорил и никак не выдавал себя, или я просто ничего не видел. Я уверен, что и не обращал на него внимания, когда после ухода Марлен, стал по вечерам приходить к нему, потому что не мог жить ни рядом с Марлен, ни без нее в этом доме. У него был говорящий взгляд: «Держись. Дыши. Старайся как-то жить». Он ничего не говорил, все выражалось в ее взгляде и жесте и все это называлось «внимание». Это все, что у меня было в то время, внимание, которое меня успокаивало. Поэтому я больше не боялся потеряться и не чувствовать опасности уйти в никуда и перестать вообще что-либо понимать и осознавать. Так и проходил день, переходя в другой день. Время шло медленно, превращаясь в недели, месяцы, года.

Никто, кроме собаки не думал о Ролане в течение многих лет. Никто не знал его. Поэтому он умер тихо, без шума. Я думаю, что ни одна женщина его не любила. Марлен думала, что он гомосексуалист, но просто не знает этого. Возможно, она права. Да и какая разница, что он не знал, что такое свидание, уединение на стройке или на ферме, или в мастерской, он оставил после себя просто спокойное и бесконечное одиночество на фоне множества воспоминаний.

Нам нравилась его мастерская, в которой было все очень аккуратно убрано с особой щепетильностью и окна-витражи которой выходили на долину. Золотистый свет и в воздухе вкусно пах. Дерево скрипело в его руках, в которых после работы оставалась мягкая стружка, мягкая, как женские волосы в его руках. Это было такое королевство, закрытое от всего мира. Тут не было радио. Мы и представить не могли в этой царившей тишине кричащих посетителей или работающую машину. Мастерская - это был просторный монастырь.

Вчера я видела Лорана, я думаю, что он меня тоже видел. Он был на похоронах. Мы плохо поставили автобус из-за множества этих машин. Долго звонили колокольчики, они всегда так звонят по причине свадьбы или похорон. Ими полон воздух. Люди выходили из церкви. Люди ждали, пока принесут катафалк. Я знаю, кто умер, мне дети рассказали, что это плотник, он жил один и повесился. Дети были взволнованны, потому что прежде чем повесится самому, он повесил свою собаку. Луиз спрашивала, положили ли собаку вместе с ним в гроб. Луиз живет вместе с бабушкой и с дедушкой. Они приехали из Бельгии. И влюбились в этот город, который прошли пешком два года назад с рюкзаками за спиной. Они оставили все, приехали сюда и купили дом. Они давно уже на пенсии и оба врачи. Они довольно-таки дорого заплатили за дом, людей это оставило под впечатлением. Жан-Лук не

знает, где родители Луиз. Она очень необычная, другие дети не смеют шутить над ней, она в восемь лет читает Римбо. Она не вступает в спор о собаке. Для нее этот вопрос решен, она так всем и сказала. У собаки нет души. И мы не хороним ее в церкви, потому что у собаки нет души. Другие дети так не думают.

Этот мужчина, который повесился, пугает меня.

Лоран очень красив. Думаю, что я уже стала забывать, какое это нежное имя.

Брата Ролана зовут Марсель. Когда он тут еще жил, то мы называли его Марселу, потому что он был совсем маленький. Моя мать рассказывала мне, что это имя досталось ему от дяди, от младшего брата отца, он умер еще его рождения, был эпилептиком жил вместе со своим братом и с золовкой. Моя мать очень хорошо его помнит. Никто точно не знал, от чего умер дядя Марселя. Люди много это комментировали и одобряли имя рожденного ребенка. Ролан всегда говорил: «Мой брат» и никогда ничего не говорил о дяде. Марсель всегда был маленьким, худеньким и бледным. Сейчас у него большая машина и никто не осмеливается его называть Марселу. Он вышел из кладбища и зашел ко мне. Его кулаки были сухими, сжатыми, я думаю, что ему было стыдно, стыдно принадлежать такой семье сумасшедших, где все вешаются, которые, разрываясь на части, устраивают такой спектакль на открытом воздухе перед всеми, ему стыдно стоять за всем этим, быть наследником всего этого, что как бы поддавливает тебя, настигает и издает зловонный запах. Такое наследство давит на тебя от избытка всей своей мощью беспомощностью и одиночеством. Он меня поблагодарил. Сделал это, потому что так было принято. Он говорил очень быстро. У него были огромные голубые глаза, такие же, как у его матери. Это все, что мне запомнилось и еще его черная кожаная жилетка, блестящая, толстая, мягкая. Ничего не может Марселя освободить от его семьи: страх уже поселился в нем. Его передала ему мать, не утешив.

Его женщина ждала в машине. Они сразу же уехали. Закрыли дом. И больше ни о чем не хотели говорить. Они хотели продать его, нотариус из Мюра позаботится об этом. Они вернутся сюда лишь для того, чтобы освободить дом. Этот город не годится для жизни. Как я могу тут жить? Здесь все захватывает свет, здесь все напряжено, а зимой замерзает, леденеет. Если узнаешь какую-то другую жизнь, то это особенно становится заметным. Здесь воздух пахнет сплетнями. Как я могу тут жить. Он хорошо знал, о чем говорил. Он был хорошо проинформирован. Как я могу выдерживать такую жизнь. Весь этот город пропитан ненавистью. Его дыхание стало ровнее на фоне голубого неба, которое было между

нами. Я почувствовал себя почти плохо. Я подумал о Ролане. Я подумал о том добром мире, который его окружал. На самом деле этого мира не существовало. Или его просто не хватило, или который просто перестал существовать. Я сказал, что мне будет не хватать Ролана. Это удивило его. Они мне оставили ключи от дома.

Вчера я похоронил собаку в саду, в его задней стороне. Я долго копал, солнце палило. Я слышал, как все ушли. Собака до последнего была вместе с Роланом на столе в мастерской в гробике, похожим на детский гроб. Он сам его сделал. Используя инструменты своего отца, которые потом бережно положил на свое место. И мастерил он его, как обычно, медленно, долго и спокойно, так, как я знал, он любил работать. Это все заняло у него определенное время. И работал он под влюбленным, добрым взглядом своей собаки. Она сидела или лежала рядом с ним на коврик. На этом ковре лежали нарезанные детали или этот ковер был полон опилок. А, может, собака лежала просто на голом полу, и после нее остался на нем след. Должно быть, он ее брал еще теплую и мерил по ней гроб, держал ее на руках, как будто она крепко спала в дневные часы. Я поскользнулся на крышке, на желобке. Я подумал о школьниках. И закрыл гробик.

Я знаю, что он хотел бы, чтобы собаку похоронил именно я, и чтобы его мыл и одевал тоже я. Я делал то же самое и для моего отца. Мы говорили с ним об этом. Болезнь очень изменила его: оставила свои метки, покусала, съела. Еще не умерев, он уже был мертвым. Я помню, как держал его смешное тело, как будто это было тело ребенка. Мама Ролана умерла во сне. Не было никаких признаков ее плохого самочувствия. Ее нашли утром. Она даже не была старой. Он сам подготавливал ее тело, не предупредив никого об этом. Он сказал, что «позаботится, чтобы она выглядела презентабельно». Она была огромная, она скорее прыгала, а не ходила. Когда она шла, казалось, что тело меняет свои границы, а потом медленно, до мельчайших деталей оно возвращается, и заметно, что с большим трудом на свои места. И она продолжала идти, потела, отрывивала. Она чувствовала себя очень плохо.

Следы жизни Ролана и его собаки вроде бы должны быть в мастерской, но они не заметны. Ничего не говорит мне о том моменте, когда он выбрал смерть для себя и для своей собаки. Это в первый раз он что-то выбрал сам. Он не выбирал свою профессию плотника, свою жизнь с матерью и в этой стране. Он никогда не жаловался, не печалился. Он говорил, что брат его всегда старался отделить себя от дома, от матери, от этого города, от того, что он был вынужден так сделать и от своего такого семейного наследства. Брата ничего здесь не удерживало после

его смерти. И вдруг я вспомнил свойственную ему мягкость, его голос в нос, едва поставленный и похожий на птичье щебетание. Он всегда говорил, что, ах, если бы мы умели спрашивать и ждать. Никто ни о чем его не спрашивал, никто ничего не спрашивал и ничего не ожидал от того, кто умер вместе со своей собакой в темное время суток. Я провел ночь в его доме наедине с его молчаливым телом. Я не спал. Я ходил по дому. Я так хотел, чтобы он не боялся тогда, когда убивал себя. Это единственное, чего я хотел.

Церковь была заполнена. Ты всегда говорил, что твой брат живет, как медведь. Но, кажется, что это не так. Ты видел это количество людей. Да, возможно, их привел сюда лишь скандал и эта история с собакой, ведь люди такие. Но все как-то необычно. Ты уверен, что никто не знал историю твоего отца? Давай остановимся поесть. Мы должны поесть прежде, чем пойдем к нотариусу. Кажется, что наше randevu затянется. А мне нужно поесть. Тортик или что-нибудь такое и выпить кофе. Я всегда так делаю после похорон. В моей семье устраивают поминки. Для дяди мы даже пели. Мы чувствовали себя облегченно.

Могила на кладбище не такая уж и ужасная. Хотя вроде бы у твоего брата не было слишком много времени, чтобы позаботиться об этом. Он очень заботливый. Достаточно обратить внимание на дом. Кажется, что о доме заботилась женщина. Ты уверен, что у него никого не было? Может, хочешь поставить ставку? Ведь здесь так принято. На деньги. Но это ради других, потому что то, что было у него внутри, уже мы и не узнаем никогда.

А он молод, этот друг твоего брата, этот электрик, я его таким не представляла. У него есть харизма. У твоего брата ведь не было каких-то интересов? У тебя отсутствует воображение, ты совсем не любопытный. Если бы мы покопались хорошенько дома, то наверняка бы нашли что-нибудь. Но я не терплю этот дом. И это выше моих сил. И это твоя вина. Вот то, что ты рассказывал о своей матери, твой брат просто не оправился после всего этого. Ему нужно было уехать отсюда, как и тебе.

Выходя из церкви, я встретил библиотекаря. Стоял автобус и она стояла на пешеходе освященная снегом. Она узнала меня. Да, это было время перемены, три часа тридцать минут. Дети были на своих местах с учительницей. Они ждали гроб, их рты были открыты, смотрели они во все глаза и не шевелились, собранные в кучки, серьезные, такие же, как и их родители, как все мы тут, когда кто-то умирает. Все мы проследили за машиной, везущей гроб. Потом дети зашли в автобус. Когда я спустился

после отъезда брата Ролана, автобус был еще там. Дети выходили из автобуса, вприпрыжку, занятые, с новыми учебниками, которые они несли раскрытыми под мышками. Они бежали в сторону школы.

Некоторые родители ждали их у школьных ворот. Они не возвращались домой после кладбища, они хотели убить два зайца одним выстрелом: «они отвезут детей на машине домой». Но школьный день задерживался, общественный Джип, который возил на похоронах и который возил детей, был один и тот же. Мы натягиваем черное на все предметы внутри автобуса для случая похорон. А кресла просто в этом случае не используются. Нужно примерно полчаса, чтобы снять черные покрывала и поставить сиденья. Никто не хотел в тот вечер, чтобы его ребенок ехал на том же месте, где лежал покойник, особенно на месте того покойника, который немного другой, чем все остальные, который проиграл, предал жизнь. Все это было очень впечатлительно для детей. Можно было подождать. Можно было подождать в кафе, оттуда хорошо был виден школьный двор. Там было тепло, и чувствовалась жизнь.

Я навсегда запомнил имя библиотекаря, Од Каду, а также то, что я избегал города в течение многих месяцев во вторник в полдень, когда особенно в нем много школьников. В моей памяти навсегда останется запах, свойственный библибусу, его цвет и расположение на тротуаре. Это было единственное место Марлен, где она могла быть близка с людьми, с другими. Я не хотел и не мог этого снова видеть. Все закончилось. И мне больше не было больно. Я больше этого не знал.

Inna Volkova

Тот вечер, тот случай с собакой

Все права на произведение принадлежат
исключительно их автору.

Составитель-редактор и создатель обложки:

Независимое Издательство «Первая Книга»

www.перваякнига.рф